

CD
25810

7-77

О. А. КОНСТАНТИНОВ

ПРЕДМЕТ И МЕТОД
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ

...

068

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru

57208

574
K-64

О. А. КОНСТАНТИНОВ

25568

ПРЕДМЕТ И МЕТОД
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ

НИЖГУБОВО
Губернский Кабинет
Политпр. Работника
Инв. № 1025
Отдел 26-8/16

...

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

Гиз № 11099
Ленинградский Губизг № 5011
8 1/2 л. Отт. 3000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
ПРЕДИСЛОВИЕ.	5
ГЛАВА I. <i>Постановка вопроса.</i>	9
Задача настоящей работы. — Классификации воззрений. — Традиционная и районная школа. — Монографическое и полиграфическое направление. — Наша классификация.	
ГЛАВА II. <i>Географическое направление.</i>	19
Берштейн-Коган. — Григорьев. — Синицкий. — Арнапов. — Распространенность направления в СССР. — Довж. — Геттнер. — Гассерт. — Шлютер. — Несостоятельность географического направления.	
ГЛАВА III. <i>Экономическое направление.</i>	41
Фридрих. — Дев. — Кристина традиционной школы. — Оценка традиционной школы. — Поправин Дена. — Борисов. — Тимофеев. — Сгановский. — Шантсу. — Чайнов. — Эльская.	
ГЛАВА IV. <i>Предмет экономической географии.</i>	75
Недостатки экономического направления. — Экономическая география — чисто экономическая наука. — Экономическая география и мировое хозяйство. — Географическое разделение труда. — Производительные силы. — Общественные отношения в экономической географии. — Характер экономической географии. — Определенные экономической географии. — Общая и специальная экономическая география. — Форма и содержание. — Методологические проблемы экономической географии.	

стр.

ГЛАВА V. Метод экономической географии 92

Связь между предметом экономической географии и ее методом. — Общая схема экономико-географических исследований. — Природные условия. — Социальные условия. — Экономическая структура. — Обзор отраслей и районов. — Заключение.

ГЛАВА VI. Задачи экономической географии. 120

Задачи науки и преподавания. — Экономическая география как специальный предмет. — Экономическая география как общеобразовательный предмет. — Методические задачи экономической географии.

Список основных работ по методологии и методике экономической географии 135

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Как хорошо известно всем работникам в области экономической географии, методология нашей науки является наименее разработанной ее частью. Каков объект, метод и содержание экономической географии, к системе каких наук она принадлежит, каково ее взаимоотношение с другими дисциплинами — все эти и многие другие существенные вопросы являются большей частью совершенно невыясненными.

То немногое, что на эти темы написано, дает самые противоречивые ответы, разобраться в которых, в особенности для начинающего работника, представляет из себя дело далеко не легкое. Между тем, при отсутствии надлежащего подхода, богатое материальное содержание нашей науки теряет значительную часть своей ценности. Совершенно очевидно, что до тех пор, пока формальная сторона науки является неясной, никакая работа в области материальной не будет плодотворной. Это — с одной стороны. С другой — само содержание науки тесно зависит от того подхода, который к ней применяется.

Отсюда вытекает, что перед каждым работником в области экономической географии лежит обязанность определить свою точку зрения на ту науку, разработкой которой он занимается. Без этого работа будет идти в темную, и, в значительной степени, в пустую.

Излагаемые в настоящем очерке мысли есть прежде всего результат работы, предпринятой автором во испол-

нение этой обязанности. Здесь не могли быть исчерпаны все вопросы методологии экономической географии. Вопросы эти настолько сложны и многочисленны, что в маленькой работе, конечно, охвачены быть не могут. Поэтому пока мы ограничиваемся только разбором существующих воззрений и установлением своей точки зрения, несколько отличной от всех остальных. В качестве такого предварительного сообщения, мы и представляем наши взгляды, изложенные в небольшой брошюре, на суд читателя.

Другое соображение, побудившее нас выступить с опубликованием своих взглядов, заключается в том, что, по нашим наблюдениям, за последнее время стали усиленно распространяться некоторые совершенно ложные (с нашей точки зрения) взгляды на нашу науку. В этом очерке мы преследуем цель вскрыть сущность этих взглядов и доказать их неправильность и тем самым способствовать тому, чтобы разработка методологии экономической географии шла в направлении, не отклоняющемся от правильного русла.

Говоря о направлениях, нельзя не отметить другое хорошо известное и весьма ненормальное явление в нашей науке. Мы имеем в виду полное отсутствие попыток установить марксистский подход к этой науке, не говоря уже о создании марксистской методологии экономической географии. Происходит это не только потому, что методология нашей науки является вообще малоразработанной, но и в виду того, что марксистских сил работает в области экономической географии пока еще очень мало. Нет нужды доказывать, что установление марксистского понимания экономической географии является насущнейшей потребностью нашего времени. Автор настоящего очерка, как марксист, взял на себя смелость сделать первый посильный опыт в этой области. Мы рассматриваем здесь существующие взгляды на экономическую географию и устанавливаем

свое понимание этой науки, все время исходя из принципов исторического материализма.

Наконец, есть еще одно соображение, заставившее автора выступить с настоящей брошюрой. Один из представителей нашей науки пишет, что методологическая разработка ее «представляется задачей, разрешенной которой доступно лишь гениальному уму или большому многолетнему труду ряда научных работников». Мы думаем, что работникам в области экономической географии не следует сложа руки ждать прихода этого гения. Ведь так называемые гении появляются лишь в результате работы предыдущих поколений, на почве, разрыхленной и удобренной другими. Поэтому иного пути как коллективная работа всех научных работников мы не видим. Предлагаемая работа есть, с одной стороны, первая лепта автора в это общее дело. С другой — автор надеется, что затрагиваемые им вопросы вызовут равную оценку и критику со стороны других. Если, таким образом, эта брошюра явится толчком для усиления работы над вопросами методологии экономической географии, и если эта разработка пойдет по линии установления марксистского понимания этой науки, то автор с удовлетворением будет считать свою задачу вполне выполненной.

Олег Константинов.

Ленинград
Июнь 1925 г.

ГЛАВА I.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

Задача настоящей работы.

Для достижения поставленной нами цели — установления марксистского понимания экономической географии — недостаточно исходить только из одних основ Марксова учения. Необходимо еще основательно разобраться в существующих взглядах и воззрениях на экономическую географию и выбрать оттуда все то ценное, что там можно найти. А это ценное в той или иной степени там бесспорно имеется. Кроме того, поскольку марксистский подход к экономической географии мы считаем единственно правильным и практически необходимым, важно еще дать и надлежащую критику всем остальным подходам и вскрыть ошибки и заблуждения тех авторов, которые этих подходов придерживаются. Но чтобы разобраться хотя и в немногочисленных, но противоречивых воззрениях на экономическую географию, необходимо прежде всего их классифицировать. Поэтому настоящую работу мы и начинаем с вопроса о классификации течений в экономической географии. Лишь после этого можно начать разбор различных авторов с тем, чтобы в дальнейшем установить нашу собственную точку зрения.

Классификация воззрений.

Трудно, конечно, говорить о систематизации и классификации различных течений, школ и направлений в экономической географии при той малой разработанности,

которая характерна для нашей науки в ее современном состоянии. Все-таки кое-какие опыты в этом направлении проделаны, но нужно наперед сказать, что эти опыты не отличаются ни большой оригинальностью, ни особой правильностью деления.

Наиболее обстоятельную классификацию течений приводит проф. С. В. Бернштейн-Коган¹. В отличие от других авторов он приводит мнение не только русских ученых, но и зарубежных.

Классификация взглядов дается им в следующем виде: I. Традиционная школа: а) преобладание чисто географических и истолковательных элементов и б) преобладание статистическо-описательных и экономических элементов (В. Э. Ден). II. Г. Г. Швиттау (экономическая география как наука о мировом хозяйстве). III. А. В. Чаянов (номографическое направление) и, наконец, IV. Собственные взгляды Бернштейн-Когана.

Близко к этому классифицирует и проф. Н. П. Огановский во втором издании своих «Очерков». На первом месте он ставит Г. Г. Швиттау, при чем Н. П. Огановский находит в его учении столь много номотетических элементов, что он готов объединить его с Чаяновым. Далее указывается проф. Ден, при чем в отношении его проф. Огановский отмечает, что его взгляды далеко не исчерпываются чисто описательными моментами, как это указывают другие. Затем следует упоминание учения С. В. Бернштейн-Когана.

Такую же классификацию дает И. Г. Борисов². Он тоже делит все течения на 3 группы. Во главе первой стоит Ден. К нему, по мнению И. Г. Борисова, примыкают Авинов, Тимофеев, Огановский и др. Затем указывается Швиттау и Бернштейн-Коган.

¹ Очерки экономической географии. Госизд. М., 1923 г.

² Экономическая география Союза Советских Республик. 6 изд. 1924 г.

Мы не будем перечислять те группировки, которые встречаются в отдельных статьях, посвященных методологии экономической географии. Ничего нового, ничего оригинального мы там не находим, и поэтому мы здесь задерживаться не будем.

Как видно, при классификации течений в экономической географии все авторы, которые об этом пишут, противопоставляют традиционное направление школе «районирования», с одной стороны, и номотетическое направление илиографическому, с другой. Посмотрим, насколько такое противопоставление основательно и можно ли его с успехом применять при изучении существующих течений в экономической географии.

Обычно принято думать, что школа Традиционная и районная школа. и районирования принципиально отлична и резко противоположна школе традиционной. Между тем весь спор между этими школами в конце концов сводится к тому, вести ли изучение хозяйственной жизни по отраслям, или по районам. По существу весь этот спор совершенно бесплоден, ибо то многообразие конкретных фактов экономической жизни, с которым приходится иметь дело экономической географии, можно постичь лишь при изучении хозяйственной жизни и в вертикальном и в горизонтальном направлениях, т. е. и по отраслям и по районам.³ На деле так оно и происходит. При изучении хозяйственной жизни по отраслям мы говорим о географическом распространении этих отраслей, т. е. о районах. При изучении отдельных экономических районов мы изучаем хозяйственную жизнь каждого района по отдельным отраслям хозяйственной деятельности. По существу вся разница сводится к масштабу исследуемой территории. В одном случае мы изучаем отдельные отрасли хозяйственной деятельности в преде-

³ Об этом более подробно будет изложено в главе V.

дах района, в другом — в пределах целой страны, наконец, в третьем случае можно изучать в пределах земного шара.

Что же касается изучения так называемого взаимоотношения районов, то, во-первых, это не более важно, чем изучение взаимоотношений отдельных отраслей; во-вторых, совокупность взаимоотношений районов есть не что иное как мировое хозяйство, между тем как глава нашей районной школы, проф. С. В. Бернштейн-Коган, высказывает сомнение в существовании мирового хозяйства¹ и тем самым впадает в неравешенное противоречие. Конечно, различие между традиционной и районной школой не вполне так упрощенно, как это нами представлено, но не следует забывать, что у авторов, принадлежащих к школе «районирования», изложение предмета далеко не соответствует выдвигаемой ими методологии (впрочем, этим грешат и авторы, принадлежащие к другим направлениям). Так, проф. С. В. Бернштейн-Коган, изложив сначала свою «районную» точку зрения на предмет экономической географии, переходит к самому «традиционному» изложению экономической географии отдельных государств. Сделанные им экономические обзоры отдельных стран ничуть не отражают его методологических построений и не менее традиционны в своем изложении, чем, напр., «Очерки экономической географии иностранных государств», написанные М. Б. Вольфом и Г. А. Мебусом, учениками В. Э. Дена и бесспорными представителями традиционного направления.

Не входя совершенно в качественную оценку двух сравниваемых книг и касаясь исключительно способов подхода и отражения методологических построений, сле-

¹ «... каждая экономическая район должна изучаться в процессе взаимодействия с другими. Но это, конечно, не дает права рассматривать экономическую географию как учение о мировом хозяйстве, что хочет Шангтау, так как и самое понятие «мирового хозяйства» весьма сомнительно...» («Очерки», стр. 16).

дует признать, что Вольф и Мебус гораздо больше отдали дань районному направлению, чем сам проф. С. В. Бернштейн-Коган. Мы у них встречаем и попытки перешагнуть через политические границы стран и весьма интересные (но, конечно, спорные) объединения нескольких стран в мирохозяйственные районы и экономические обзоры этих районов. Этот факт свидетельствует, что представители традиционного направления отразили в своих трудах элементы районирования в гораздо большей степени, чем сам глава районной школы — проф. С. В. Бернштейн-Коган.

Данные им обзоры отдельных государств, как типов экономико-географических комплексов, вызывают два возражения. Первое заключается в том, что его экономико-географические комплексы есть не что иное как самые «анти-традиционные» государства. Таким образом, вместо изучения районов и их взаимоотношений, как это обещает автор, мы имеем обыкновенное традиционное изучение отдельных стран. Второе возражение вызывается тем, что проф. С. В. Бернштейн-Коган каждое рассматриваемое им государство характеризует как т и п. Между тем «методологически тип является характерным индивидуумом данного вида и предполагает наличие некоего количества индивидуумов того вида, представителем коего он является. Если, напр., С.-А. Соединенные Штаты являются типом страны с гармоническим развитием промышленности и сельского хозяйства, то должны быть еще страны, народное хозяйство которых приближается к хозяйству Соединенных Штатов. Однако, малейшая попытка «подогнать» какую-нибудь страну под один из вышеуказанных типов оканчивается полной неудачей. Какие страны подходят под тип Америки, Англии, Германии и т. д.? Под тип какой страны подходит народное хозяйство таких экономических единиц, как довоенная Австро-Венгрия, Япония и, наконец, Россия? Иными словами: можно ли вообще говорить о типах народ-

ных хозяйств, или, быть-может, народное хозяйство каждой страны в экономической географии является чем-то особенным, «*sui generis*»? К сожалению, по данному вопросу автор ответа не дает. Мы же полагаем, что при современном состоянии науки экономической географии нет достаточных оснований создавать учение об экономико-географических типах. В то время как в «естественной» географии можно говорить о ландшафтах, в экономической географии создавать по их аналогии «экономико-географические комплексы», как это пытается сделать проф. Бернштейн-Коган, по нашему мнению, нельзя; нельзя потому, что народное хозяйство каждой страны, по учению самого автора, формируется не только под влиянием «зональных» факторов, но различных факторов «азональных», которые группируются между собой различным образом и, кроме того, в них влетают чисто-политические моменты. Все это в конечном итоге так сильно индивидуализирует экономическую физиономию каждой страны, что объединить несколько стран в один экономико-географический тип представляется совершенно невозможным.¹

Все это говорит о том, что методологическое построение проф. С. В. Бернштейн-Когана не нашло своего отражения в главах, посвященных непосредственному объекту экономической географии.

В качестве «смягчающего вину обстоятельства» следует отметить, что и у проф. Дена — главы традиционной школы — изложение предмета и методологические предпосылки тоже находятся в несоответствии, что мы осветим ниже (в главе III).

Таким образом, говоря о споре между двумя школами, следует сказать, что спор этот носит исключительно теоретический характер, и различие в этих школах высту-

¹ См. нашу рецензию в «Вестнике Финансов» № 20—21 от 25 мая 1923 г.

пает лишь в их методологических построениях (и то далеко не вполне отчетливо). Но как только дело касается изложения предмета, то различия сейчас же исчезают. Авторы районного направления слишком традиционны в своем изложении, а авторы традиционного направления далеко не занимаются одним лишь описанием фактов, как это им приписывают их противники. Практически разница между этими школами сводится таким образом почти к нулю.

Итак, с какой бы стороны ни подходить, мы находим, что направления районное и традиционное в о б щ е п р и н я т о й ф о р м у л и р о в к е вовсе не представляют из себя чего-либо резко противоположного. Кроме масштаба изучаемой территории — признака весьма малозначительного с точки зрения методологии экономической географии — нет никакого иного признака, по которому мы могли бы отличить эти направления друг от друга. Мы умышленно так подробно останавливаемся на разборе этих двух направлений, ибо считаем, что принятое у нас противопоставление этих двух направлений в обычной формулировке совершенно неправильно, и, надеемся, нам удалось показать, что, с точки зрения общепринятого представления о сущности обоих направлений, разница между ними на практике совершенно исчезает.

Между тем эти направления существенно отличны друг от друга, но представители их сами не осознавали, в чем заключается та пропасть, которая их разделяет. Ниже мы подробно выясним сущность того принципа, на котором эти направления расходятся в совершенно противоположные стороны.

Если в общепринятой формулировке мы не находим такого существенного признака, который помог бы выяснить принципиальное отличие традиционного направления от школы районирования, то в совершенно иной плоскости разрешается спор об идиографическом, или номо-

Номографическое и идиографическое направление.

тетическом характере нашей науки. В нашей специальной литературе уже указывалось на невозможность делать такое противопоставление.¹ Этот взгляд безусловно правилен. Деление всех наук на науки описывающие и науки, выводящие законы, является делением буржуазной теоретической мысли. С точки зрения марксизма такого деления быть не может. Наук, только описывающих или только выводящих законы, нет. Бессистемное описание не есть наука, а если мы описываем по известной системе, то значит мы уже обобщаем, т.е. вносим номотетический элемент. Если в схематическом виде работа научной мысли сводится к наблюдению, описанию, классификации, объяснению и выведению общих законов, то на практике уже на первых стадиях научной работы, т.е. при наблюдении и описании, мы пользуемся уже готовыми обобщениями для классификации. Наоборот, на высших этапах научной мысли — т.е. при выведении причинных связей и общих законов — мы исходим от некоторого конкретного, «описательного», материала. В действительности научная мысль развивается д и а л е к т и ч е с к и, исправляя классификацию и уточняя общие законы по мере ознакомления с конкретным материалом и — *vice versa* — улучшая наблюдение и вводя более систематичное описание конкретного материала по мере исправления классификации и уточнения общих законов. С точки зрения исторического материализма говорить о номотетических и идиографических науках нельзя, ибо в каждой науке мы встречаем как номотетические элементы, так и идиографические. Подобно прочим наукам, экономическая география не занимается одним лишь описанием, или одним лишь выведением общих законов. Экономическая география, как и другие науки, занимается и описанием фактов и их обобщением и установле-

¹ Сборник «Вопросы экономической географии в школе» и в журнале, статья С. П. Аржанова.

нием закономерностей. Следовательно, в ней заключаются и номотетические и идиографические элементы. В какой степени в ней развиты эти элементы, каково соотношение между ними, и какой характер должен иметь каждый из элементов — вопрос совершенно другого порядка; однако, остается совершенно бесспорным, что при разработке экономической географии в духе исторического материализма о противопоставлении направления номотетического идиографическому не может быть и речи, и самая постановка вопроса для марксиста является методологически неприемлемой.

Наша классификация.

Итак, мы видим, что два основных противопоставления, которые делаются в методологии экономической географии, а именно противопоставление традиционной школы школе «районирования» и номотетического направления идиографическому, являются несостоятельными. Первое противопоставление — по существу, второе — по принципиальным соображениям. Кроме того, систематизация существующих в экономической географии течений по разным признакам, а не по одному, не соответствует требованию научной классификации. Впрочем, авторы, приводящие взгляды различных направлений, и не имеют в виду научной классификации этих взглядов, а ограничиваются простым и бессистемным изложением их.

Между тем систематизацию и классификацию существующих взглядов произвести и нужно и можно. Нужно потому, что простое, бессистемное изучение течений в экономической географии не даст возможности ни точно выяснить сущность каждого из них ни провести грани между ними. Только приводя в известную систему все многообразие существующих взглядов, можно будет осмыслить каждый из них и выяснить, какой из них приемлем с точки зрения исторического материализма. Систематизация и классификация — неизбежный и необходимый

О. А. Константиновой.

Губернская Кабинет
Политпр. Работника
Имя № _____
Отдел _____

этап всякого научного познания. Следовательно, подобную работу в отношении течений в экономической географии провести безусловно нужно. А что это и можно провести, покажет излагаемое ниже.

Если мы внимательно изучим все имеющиеся у нас течения в экономической географии, то мы найдем одно очень существенное и принципиальное различие между ними. Одни авторы считают, что экономическая география есть часть географии, другие — что она принадлежит к числу наук экономических. Иными словами: одни считают, что это есть наука о земле, другие — наука об общественных отношениях людей в сфере их хозяйственной деятельности. Мы придаем этому различию колоссальную важность и думаем, что это и есть тот основной признак, по которому мы прежде всего сможем классифицировать существующие воззрения. Резкое принципиальное отличие этих двух групп воззрений кажется нам совершенно очевидным. К сожалению, в нашей специальной литературе этого разграничения до сих пор никто в отчетливой форме не проводил. Между тем в этом и заключается различие между основными течениями в экономической географии. Мы считаем, что могут быть только две точки зрения на экономическую географию: или она есть часть географии, или она есть часть экономики. Ничего среднего, никакого компромисса здесь нет и быть не может. Вопрос здесь ставится совершенно определенно и принципиально: или наука о земле, или наука об общественных отношениях; «или — или» и ничего среднего.

Такая постановка вопроса ставит перед нами две задачи: во-первых, распределить всех авторов по вышеуказанным двум группам и выяснить таким образом «силы» каждого направления, во-вторых, указать наше отношение к существующим воззрениям. Для удобства изложения будем обе задачи осуществлять одновременно.

ГЛАВА II.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

К первой группе воззрений, считающих экономическую географию частью географии, прежде всего относится вся школа «районирования» в целом ее составе. Из отдельных представителей ее следует назвать Бернштейн-Когана, Григорьева и Сяницкого. К их числу нужно присоединить еще и Аржанова.

Начнем с главы районной школы —
С. В. Бернштейн-Коган. проф. С. В. Бернштейн-Когана. Хотя он в первых же строках своих «Очерков» заявляет, что экономическая география является одной из составных частей в «комплексе экономических наук», однако, все его дальнейшее изложение и его методологические построения говорят о совершенно противоположном.

Лучше всего об этом свидетельствует тот путь, которым С. В. Бернштейн-Коган построил свое учение. Как это он сам показал в своих «Очерках экономической географии», он сначала разобрал методологию «чистой» географии и, воспользовавшись учением о ландшафтах, по аналогии с ним построил свое учение об экономических районах. Таким образом, его учение есть сколок с методологии общей географии. Если автор прибег к такому методу построения своего методологического учения, то это лучше всего говорит о том, что по его воззрениям экономическая география есть не часть экономики, а географическая дисциплина. Говоря так о С. В. Бернштейн-Когане, мы вовсе не отвергаем его учения о районах. Напротив, как это мы покажем ниже, мы сами приходим к этому учению, только в несколько иной форме и по иным основаниям.

Другое доказательство принадлежности проф. С. В. Бернштейн-Когана к рассматриваемой нами группе воззрений заключается в его подходе к изучению хозяйственных явлений. Подход этот состоит в том, что автор придает исключительное значение природным факторам и совершенно игнорирует факторы социальные. Так, он дал очень обстоятельное учение о зональных и азональных природных факторах и об их влиянии на хозяйственную деятельность людей и ни слова не сказал о факторах социальных. Хозяйственная жизнь отдельных районов и географическое разделение труда между ними обуславливается, по его мнению, одними лишь природными условиями. Политические факторы имеют, по словам автора «Очерков» (стр. 17), лишь осложняющее влияние. На это нужно ответить, что, во-первых, социальные факторы не исчерпываются одними политическими условиями, а во-вторых, для марксиста момент производственно-общественных отношений является не просто «осложняющим», но решающим началом. Кроме того, как это мы увидим ниже (см. стр. 96—97), автор обнаруживает чисто идеалистическое понимание географического фактора.

Указанное обстоятельство, а также чисто географический подход ко многим вопросам экономической географии и дает нам основание объединить проф. С. В. Бернштейн-Когана в одну группу с «чистыми» географами, хотя сам Бернштейн-Коган таковым безусловно не является. Более того, несмотря на все указанные недостатки, в его методологических взглядах имеется много ценного, чем надлежит воспользоваться. Наконец, нельзя забывать, что само появление учения С. В. Бернштейн-Когана сдвинуло экономическую географию с застывшей точки традиционной школы и указало нашей науке новую важную и с теоретической и с практической стороны область — изучение районов и вообще всех вопросов экономического районирования.

Точку зрения С. В. Бернштейн-Когана разделяет и проф. А. А. Григорьев. Он еще более резко выдвигает географический характер нашей науки. Его статья так и называется «Экономическая география как географическая дисциплина и вопросы районирования».¹ Вышеизложенному учению о районах А. А. Григорьев придает еще более географический характер. Так, по мнению автора, должен изучаться не только весь экономический район в целом, но и составные части его. При этом составными частями района будут не экономические подрайоны, как это можно было бы ожидать, а географические ландшафты. «Задачей экономической географии, — говорит автор, — является изучение пространственных экономических взаимоотношений различных областей земли не само по себе, а в связи с существующими на земле физико-био-антропо-географическими контрастами»....² Таким образом, и этот автор ничего не говорит о социальных факторах. Однако, еще более характерным является то, что, по мнению А. А. Григорьева, сам человек есть не что иное как «географическая особенность». Дальше этого идти некуда. Мы ни в какой степени не разделяем этического учения Канта о самоценности человеческой личности, но все же (хотя и по иным, чем Кант, основаниям) позволим себе заступиться как за человечество в целом, так и за отдельных его представителей. Думаем, что такие, напр., личности, как Маркс или Ленин, есть нечто неизмеримо большее, чем «географическая особенность».

Одним из видных представителей районной школы является проф. Л. Д. Сеницкий. По сравнению с двумя рассмотренными авто-

¹ «Географический Вестник», том 1. Вып. 2 — 3. 1922 г. (курсив наш. О. К.).

² Там же, стр. 19.

рами, Л. Д. Синицкий делает значительный шаг вперед. Он первый из авторов районного направления твердо выдвигает значение социальных факторов в хозяйственной жизни. Так, уже в своем «Учебнике экономической географии СССР» автор говорит не только о природной, но и о социальной обусловленности отдельных отраслей хозяйства (стр. 10). Еще более эта точка зрения развита автором в его статье «Экономическая география в системе школьного образования».¹ Несмотря на то, что Л. Д. Синицкий подчеркнул социальные моменты, экономическая география, по его воззрениям, есть все-таки дисциплина географическая. Правда, в названной выше статье он это отчетливо не заявляет. Наоборот, он даже пытается выдвинуть какое-то промежуточное направление, которое он и принимает как свое credo. Так, в этой статье он пишет: «В связи с тем, что в экономической географии приходится говорить и о природе и о человеке, а оба эти фактора часто встречают разную оценку со стороны степени их влияния, — в построении экономической географии наблюдается два направления. Одно исходит от природы и пытается вывести из нее одной или почти одной все данные формы хозяйства. Другое исходит от человека, деятельностью которого и создается народное хозяйство, без которой оно немислимо: центральным пунктом становится человек в его работе, а не земная поверхность, на которой работает человек... Но все больше укрепляется синтетическое направление, отдающее должное и природе и человеку...» (стр. 37). В своем дальнейшем изложении автор все время стремится придерживаться этого «синтетического» направления. Однако совершенно очевидно, что никакого синтетического направления быть не может. Что при изучении хозяйственной деятельности нужно

¹ Сборник «Вопросы экономической географии в школе и жизни», стр. 34 — 51.

исходить как из природных, так и из социальных факторов — это бесспорно, но это еще не есть синтез. Проф. Синицкий поднял вопрос совершенно правильно: исходит ли экономическая география от природы или от человека, т. е. есть ли эта наука часть географии или часть экономики? Разумеется, экономическая география не может быть одновременно и экономической и географической дисциплиной. На эту контрверзу может быть дан только точный и недвусмысленный ответ. Такого ответа в этой статье Л. Д. Синицкий не дает и вместо этого выдвигает совершенно не реальное «синтетическое» направление. Этот «синтез» есть эклектизм самой чистой воды. Разумеется, подобное направление трудно последовательно выдерживать, и уже в этой статье автор сбивается в сторону и, при этом, в сторону географии, а не экономики. Но для выяснения воззрений Л. Д. Синицкого нам вовсе нет надобности задерживаться на этой статье, ибо его взгляды гораздо отчетливее выражены им в другой его статье «К вопросу о методике экономической географии».¹ Там Л. Д. Синицкий пишет: «Несмотря на наименование предмета географией, самая географичность его настойчиво оспаривается. Подчеркивая характер материала, с которым приходится иметь дело, экономическую географию включают в семью экономических наук...»²

В той же статье, указывая на значение географического положения и настаивая на важности местных условий, автор заявляет, что лишь при таком подходе «будет подлинная географическая дисциплина, дисциплина хронологического порядка».³

¹ Сборник «Обществоведение в школе» под редакцией Ефремова и Смушкова. Вып. 1, изд. «Работник Просвещения», М., 1923 г., стр. 77 — 86.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 78. Точно так же в предисловии к книге проф. К. Дова — «Экономическая география мира» Л. Д. Синицкий пишет, что экономической географией становится «наиболее разрабатываемой географической дисциплиной» (курсив наш, О. К.).¹

Итак, здесь мы из уст самого Синицкого слышим, что экономическая география есть наука географическая. Впрочем, при внимательном чтении этого автора можно понять его «сгедо» на основании одного подхода к излагаемым вопросам. Только что указанное подчеркивание географического положения и принятие местных условий, как отправного пункта для исследования, есть метод чисто географический. Экономист, как мы увидим ниже, исходит из другого отправного пункта.

Кроме того, по существу первой цитаты мы хотели бы заметить, что употребляемая там Л. Д. Синицким аргументация не вполне приемлема. То, что наш предмет в своем наименовании заключает слово «география», вовсе не доказывает, что он принадлежит к географическим наукам. Наш предмет действительно имеет свою родословную от общей географии и, потому, до сих пор и включает в своем названии слово «география». Мы вовсе не думаем отрицать наличие географических элементов в нашей науке. Наоборот, мы ниже покажем, что придаем этим элементам огромное значение. Однако, нельзя не признать, что в споре о принадлежности науки к той или иной системе наук и при выяснении содержания этой науки, аргументация от названия не является убедительной.

С. П. Аржанов. Подобно рассмотренным выше авторам и проф. С. П. Аржанов считает экономическую географию наукой географической. Свою статью в сборнике «Вопросы экономической географии в школе и жизни» он начинает с рассмотрения методологических предпосылок общей географии и, уже исходя из этого, ведет свои рассуждения об экономической географии. Там же, на стр. 6, автор пишет: «Экономическая география, как и география вообще... и т. д. Предметом экономической географии, по определению проф. Аржанова, есть хозяйственное наполнение земли, т. е. земля, а не что-либо иное, является объектом изучения экономической географии».

Распространенность направления в СССР.

Таким образом, ряд важнейших представителей экономической географии смотрит на нашу науку как на географическую дисциплину. Это воззрение, по нашим личным наблюдениям, весьма распространено среди рядовых преподавателей экономической географии. Объясняется это, во-первых, тем, что значительная часть их является географами (так же как и большинство руководителей этого течения). Во-вторых, это направление связалось с модным в наши дни вопросом районирования. Между тем, как это мы покажем ниже, можно наилучшим образом сочетать и районную точку зрения и взгляд на экономическую географию как на экономическую дисциплину. Наконец, третьей причиной необходимо указать большую методологическую разработанность этого направления. Здесь мы имеем и «Очерки» проф. Бернштейн-Когана и ряд очень интересных статей. Кроме того, рассмотренное нами направление питалось в весьма сильной степени заграничной научной мыслью. За рубежом взгляд на экономическую географию как на часть географии является весьма распространенным. Напр., этого воззрения придерживаются такие видные немецкие географы как Довэ, Геттнер, Гасерт, Лютгенс и другие.

К. Довэ.

Проф. К. Довэ¹ хотя и называет политическую экономию старшей сестрой экономической географии, однако, первые же слова его книги гласят: «Экономическая география является ветвью землеведения» (т. е. частью общей географии). В своих построениях этот автор, как известно, исходит исключительно из физико-географической основы.

А. Геттнер.

Проф. А. Геттнер² считает, что содержание географии охватывает «внутреннее

¹ «Экономическая география мира». Изд. «Нислая Москва», 1924 г.

² «Единство географии как науки и учебного предмета». В сборнике «География как наука и как учебный предмет». Изд. «Связь», Л. 1924 г.

строение, форму поверхности и свойства суши, воды, давления воздуха и ветры, температуру воздуха, влажность и осадки, растительный и животный мир, народы и государства, сношения и населенные пункты, хозяйственные отношения и т. д.» (стр. 20—21, курсив наш. О. К.). Тот же автор пишет: «Общая география является прежде всего... изучением крупных явлений, распространенных по всей земной поверхности или большей ее части, каковы: распределение континентов и океанов, система ветров, зоны животного и растительного мира, распределение рас и племен, мировые сношения, мировое хозяйство, система государств и мировая политика» (там же, курсив наш. О. К.). При таком бесконечно широком определении географии в область географической науки попадает не только экономическая география, но и целый ряд бесспорно негеографических дисциплин, в роде мировой политики. С подобным определением географии, разумеется, совершенно нельзя согласиться. Если последовательно проводить эту точку зрения, то тогда все науки о человеке и человеческом обществе попадут в орбиту географической науки. По мнению автора, экономическая география есть часть географии человека. При этом — «учение о географическом распределении отдельных производств или продуктов принадлежит к области учений о хозяйственных производствах, или к товароведению и может быть названо географическим учением о производствах; хозяйственная география, наоборот, имеет дело с хозяйственными свойствами и взаимоотношениями различных стран и местностей» (там же, стр. 157).

К. Гассерт. Наиболее обстоятельно останавливается на предмете экономической географии проф. Гассерт. В своей статье «Сущность и образовательная ценность хозяйственной геогра-

фии»¹ он дал, по нашему мнению, наиболее законченное (с точки зрения географической науки) построение методологии экономической географии. Рассмотрев исторический ход выделения экономической (по немецкой терминологии — хозяйственной) географии из общей географической науки, проф. Гассерт пишет: «Теперь в существенных чертах господствует соглашение, что всеобщая хозяйственная география является частью антропогеографии (или культурной географии)... Отсюда прямо вытекает, — продолжает автор, — что хозяйственная география вовсе не граничит только с географией и не находится с ней только в более или менее свободном соприкосновении. Она скорее и есть сама география, и именно часть ее главной области».²

Хозяйственную географию* проф. Гассерт, подобно некоторым другим немецким ученым, делит на общую и спешивальную хозяйственную географию. «Общая хозяйственная география рассматривает явления хозяйственной жизни вообще в их взаимной обусловленности и в их географическом распространении по всей земле для того, чтобы представить обзор мирового производства, мировой торговли и мировых сообщений и установить для всей земли соответственные законы».³ Таким образом, по мнению проф. Гассерта, эта наука должна рассматривать географическое распространение на земле хозяйственных явлений в их взаимной обусловленности не само по себе, а для того, чтобы вывести законы мирового производства, мировой торговли и мировых сношений. Совершенно очевидно, что законы мирового производства, мировой торговли и мировых сношений, или, иными словами, законы мирового капиталистического хозяйства, во-первых,

¹ Сборник «География как наука и как учебный предмет».

² Указан. статья, стр. 133 (курсив наш. О. К.).

³ Там же, стр. 138 (курсив наш. О. К.).

являются объектом не хозяйственной географии, а совершенно иной науки, именуемой политической экономией, а, во-вторых, законы эти давно открыты Марксом и развиты всей марксистской школой. Обида хозяйственная география проф. Гассерта ломится в открытые двери и, притом, в чужие. Что же касается специальной хозяйственной географии, то она «рассматривает последовательно отдельные, более узко ограниченные пространства земли, каковы части света, государства, провинции и т. д., как арену хозяйственной жизни, при чем изучение географических условий данной страны должно всегда предшествовать изображению ее хозяйственной структуры или стоять с ним в причинной связи».¹

Как мы только что видели, Гассерт своим построением общей хозяйственной географии вторгается в область политической экономии. Поэтому представляет интерес мнение автора о соотношении между хозяйственной географией и экономическими науками. Ввиду того, что этому вопросу мы придаем исключительную важность, мы позволим себе привести две довольно длинных цитаты из рассматриваемой статьи проф. Гассерта.

Первая — «При всей близости соприкосновения, нельзя хозяйственную географию приравнивать к экономической науке. Экономическая наука обнимает все хозяйственные явления страны, обоснованные не только ее естественной обстановкой и культурным уровнем ее жителей или отражающиеся на ландшафте, но она берет также материалы, не составляющие предмета географии. Все эти факты она (экономическая наука. О. К.) ставит один около другого, без внутренней связи, так что подобный чисто внешний обзор не может удовлетворить потребности в установлении причинности. Если же установление хозяйственных факторов и их пространственного распространения

¹ Там же, стр. 138.

идет рука об руку с выяснением причин их особенностей в различных местах земного шара, то перед нами хозяйственная география, которая стремится установить углубленное и одухотворенное знание и понимание хозяйственных явлений. Таким образом, если исследование должно относиться действительно к области хозяйственной географии, а не только к области экономической науки, то чисто описательный и перечисляющий момент должен отступить на задний план, чтобы дать первое место моменту объясняющему и делающему выводы».¹

Вторая — «Области работы хозяйственной географии и народного хозяйства так тесно соприкасаются, что между ними очень трудно провести границу. Политико-экономист занимается всеми явлениями, законами и влияниями, которые ценны для хозяйственной деятельности человека и для организации хозяйства, каковы предложение и спрос, тарифы и рост цен, деньги и доходность, налоги и пошлины, торговые договоры и запрещение вывоза. Однако, обыкновенно исследователю народного хозяйства не хватает для обоснования его изложения естественно-научного, географического фундамента; он должен поэтому принимать результаты географического исследования. Обратное, и хозяйственная география берет целый ряд понятий из политической экономии как готовые данные и выдвигает на первый план пространственное нахождение ценностей. Она исследует причины, основанные на природных данных (положение, оро- и гидрография, почвоведение, климат, растительность, полезные животные, человек), для выяснения того, как мы можем покрыть наши потребности, на каких предположках покоится хозяйственное снабжение и использование страны и какие возможности имеются налицо. Хозяйственная география, рассматривая землю как почву для хозяйственной жизни человека, доста-

¹ Там же, стр. 133 — 134.

вляют таким образом надежный фундамент для народного хозяйства».¹

Эти две цитаты на ряду с некоторыми правильными положениями содержат очень много спорного.

Прежде всего, проф. Гассерт совершенно правильно указывает, что когда экономист исследует хозяйственные явления, то он принимает во внимание не только географические условия, но и условия, так сказать, не географические. Совершенно очевидно, что хозяйственные явления могут быть изучены и правильно поняты лишь тогда, когда мы учтем всю совокупность условий, в которых явления эти возникли и развивались. Наоборот, хозяйственная география, в понимании проф. Гассерта (см. вторую цитату), изучает лишь причины, основанные на природных данных. Такой чисто географический подход к хозяйственным явлениям совершенно бесплоден, ибо из одних природных условий вывести и понять все хозяйственные явления невозможно. Поэтому односторонняя экономическая география, выдвигаемая проф. Гассертом, исходящая только из одной группы условий, есть наука совершенно нежизненная и, поэтому, ненужная. Так как хозяйственные явления могут быть изучены лишь при учете всей совокупности условий, то они могут быть объектом только экономической науки.

Возлагая на экономическую географию большие научные задачи и расширяя чрезвычайно широко ее рамки (см. выше определение общей хозяйственной географии), Гассерт делал это не без оснований. Основанием для этого служила ему высокая оценка научных возможностей географии и, наоборот, весьма пренебрежительный взгляд на экономическую науку. Экономическая наука, по мнению автора, содержит только чисто описательный и перечисляющий момент, «факты она ставит один около другого

¹ Там же, стр. 141 — 142.

без внутренней связи». Наоборот, география (хозяйственная география) устанавливает причинные связи и содержит моменты объясняющий и делающий выводы. Понимание хозяйственных явлений и углубленное и одухотворенное знание их дает, по мнению автора, именно география (хозяйственная), а не экономическая наука. Нет никакой надобности доказывать, насколько ошибочен взгляд этого почтенного географа на экономическую науку.

Наконец, последний факт, который мы считаем нужным подчеркнуть, это — положение человека в хозяйственной географии проф. Гассерта. При изучении хозяйственных явлений, человек, в построении автора, является не чем иным как одним из многих природных данных, на ряду с почвой, климатом, растениями и т. д. (см. вторую цитату). Такой взгляд на человека чрезвычайно характерен для географического направления экономической географии, почему мы его здесь и отмечаем.

Чтобы покончить с методологическими построениями проф. Гассерта, следует остановиться еще на одном моменте. При изложении своих взглядов автор все время на ряду с термином «хозяйственная география» употреблял «география сношений», которая охватывает пути сообщения и передачу известий. Задачей географии сношений является описание рода, объема, развития и распространения сношений, прежде всего форм, средств и путей сообщения, как пространственных явлений земной поверхности, и объяснение их с точки зрения воздействия природных и культурных условий. Хотя многие вопросы сообщений и являются задачами технического и торгового мира, то, с другой стороны, в значительной мере они подлежат географическому обследованию и находятся в тесной связи с физической географией. Дороги ведь представляют собой географические явления земной поверхности, и тогда сами сношения принадлежат к области географии постольку, поскольку они должны преодолевать пространства и пре-

пятства, данные в самой земной поверхности (почва, вода, климат, растительный мир).¹

Как видно, автор проводит свою точку зрения последовательно. Пути сообщения — этот могущественный экономический фактор — для него есть не более чем пространственное явление. У автора, к сожалению, остается невыясненным, какое место занимает география сношений в его методологических построениях. С одной стороны, она есть часть хозяйственной географии, с другой — она выступает на ряду с ней как равноправная величина. Однако, какой бы ответ ни дал автор, совершенно очевидно, что принципиальных положений, на которых покоится рассмотренное нами методологическое учение, оно не изменит. Поэтому для нашего разбора воззрений проф. Гассерта, оно существенного значения не имеет.

О. Шлютер. Некоторое объяснение выделения географии сообщений из экономической географии мы находим у О. Шлютера. В своей статье «Место географии человека в науке о земле»² автор пишет: «В сообщениях обыкновенно видят одну из ветвей хозяйства и в географии сообщений часть хозяйственной географии. Только мотивы сообщений не всегда бывают хозяйственного характера. Какие, напр., громадные массы людей и вещей приводятся в движение войной, в чисто военных целях. Вспомним даже о паломничествах по святым местам, о поездках на политические и ученые конгрессы, о путешествиях для поправки здоровья, — и мы увидим, как разнообразны человеческие сношения. Хозяйственные мотивы всегда присоединяются, но цель и повод передвижения лежат в данных случаях не в них» (стр. 122). Насколько такая аргументация правильна, говорить не приходится. Автор придает слишком большое значение

¹ Там же, стр. 139.

² Там же, стр. 106 — 130.

передвижению людей, тогда как сущность мировых сношений лежит именно в передвижении товаров. Кроме того, за внешними поводами передвижения людей автор не видит внутреннего существа явлений. Экономический характер войны и бесчисленных конференций, которыми так богата послевоенная эпоха, стал ныне ясен всем и каждому.¹

По мнению О. Шлютера, «хозяйственная география является одной из самых обширных и в то же время одной из самых трудных для изучения частей антропогеографии» (стр. 120). При этом под хозяйственной географией автор подразумевает рассмотрение хозяйства с особой географически-морфологической точки зрения. Мы не будем подробно останавливаться на взглядах Шлютера, ибо, во-первых, вопрос о хозяйственной географии рассматривается им лишь попутно с антропогеографией, во-вторых, воззрения его противоречивы и содержат так много спорного, что изложение их и полемика с автором уведет нас слишком далеко, и в-третьих, какова бы ни была ценность взглядов О. Шлютера, мы раскроем несколькими страницами ниже.

¹ Что же касается других видов передвижения людей, не хозяйственного порядка, на которые указал автор, то если даже допустить серьезное значение подобных передвижений в мировых сношениях (что, конечно, невозможно), то и в этом случае невольно приходится на ум некоторые весьма характерные иллюстрации того, как иногда за самыми богоугодными делами скрываются алчные экономические интересы. «Необычайное возрождение ислама дало Германия повод и возможность провести для удобства паломников — не говоря уже об акционерях — железную дорогу к Мекке. В то же время этот благочестивый поступок давал пангерманистам возможность перевозить, если они захотят, войско в Аравию, т. е. отрезать Индию от Египта, и в случае необходимости объединить свои силы для нападения на эти английские владения. Мало того: та же железная дорога позволяла им угрожать драгоценной для Англии торговле с Персией». (Томас Ашкрофт. «Очерк современного империализма.» М. 1924 г.)

**Несостоятельность
географического
направления.**

Мы перебрали целый ряд представителей географического направления экономической географии. Попутно мы установили, что их построения далеко не выдержаны. Хотя особого единства в их взглядах мы не находим, но есть один пункт, на котором все эти авторы сходятся: экономическая география есть географическая дисциплина. С этим положением неразрывно связаны следующие два воззрения, которые разделяют все без исключения представители географического направления:

1. Объектом изучения экономической географии (как и географии вообще) является земля.

2. Человек есть один из многих предметов, наполняющих поверхность земли, и изучается он на ряду с этими предметами (почва, растения, животные и т. п.).

С подобным пониманием экономической географии мы согласиться совершенно не можем. Уже по ходу изложения взглядов отдельных авторов мы сделали ряд возражений, но нашими главными доказательствами несостоятельности географического направления мы выдвигаем следующие положения.

1. Прежде всего, в экономической географии совершенно неприменимо то понимание человека, которое употребляется в географической науке. Последняя в процессе изучения земли и вещей, наполняющих ее пространства, изучает человека прежде всего именно как человека (*homo sapiens*). Между тем в хозяйственной деятельности выступает не человек, а «общественный человек» — категория совершенно иного порядка. Для каждого марксиста это азбучная истина.

«Во время производства люди вступают в определенные отношения не только к природе, но и друг к другу. Чтобы производить, они должны действовать совместно и вступать в определенные отношения друг к другу. И только в пределах этих общественных отно-

шений имеет место взаимодействие их на природу — их производство».¹ Производство носит по необходимости общественный характер. При изучении хозяйственных явлений мы должны брать человека в процессе его производственных отношений и всей той совокупности надстроек, которые возникают на базе этих производственных отношений. Хозяйственные явления не могут изучаться вне поля зрения общественных отношений людей в сфере их хозяйственной деятельности. Иными словами, хозяйственные явления суть объект наук экономических, а не географических.

2. Не более правильно понимают географы, занимающиеся экономической географией, и отношения между человеком и природой. Для того, чтобы представить это наиболее отчетливо, мы должны отклониться в сторону методологии географии и рассмотреть новейшие формальные достижения географической науки. В данном случае мы имеем в виду построения немецкого географа проф. Геттнера, видного методолога в своей научной области. Этот ученый строго различает учение о географическом распределении отдельных предметов и учение о предметном составе отдельных стран. Первое относится к науке об этом предмете, второе есть подлинная география. Поясним это на примерах. Учение о распределении на земной поверхности отдельных видов, родов и семейств животных есть часть зоологии (географическая зоология). Наоборот, учение о зоологическом составе отдельных стран есть география (зоогеография). Точно так же учение о распространении растений есть географическая ботаника. Наоборот ботанический состав отдельных стран есть фитогеография. Иными словами, «география не есть наука о местном распределении различных объектов; она есть наука о вещественном наполнении пространства».²

¹ К. Маркс. «Наемный труд и капитал» (курсив назв. О. К.).

² «География как наука и как учебный предмет», стр. 157.

Таким образом земля (пространство) и ее вещественное наполнение составляет объект географии. С этой точки зрения учение о местном распределении различных объектов (предметов и явлений) имеет лишь служебное, подсобное для географии значение.

При изучении вещественного наполнения земного пространства (всего или отдельных его частей — безразлично) все объекты, наполняющие это пространство, являются для географии равноценными. География изучает не отдельные объекты, наполняющие это пространство, а всю совокупность этих объектов. Климат, почва, растения, животные, человек и т. п. — все это изучается одновременно и одно на ряду с другим. Таким образом в географии человек является, во-первых, частью природы,¹ а во-вторых, он рассматривается наравне с природой. Если принять во внимание вышеназванное построение географии, то такой взгляд на человека является вполне последовательным и для географической науки вполне приемлемым.

Но если это приемлемо для науки, изучающей вещественное наполнение земного пространства, то для науки, изучающей хозяйственные явления (экономической географии), этот взгляд совершенно чужд. В процессе своей хозяйственной деятельности человек (конечно, общественный человек — см. выше) хотя и действует как сила природы, и как часть ее, но он п р о т и в о с т о и т природе.

«Труд есть прежде всего процесс, происходящий между человеком и природой, процесс, в котором человек посредством своей деятельности содействует обмену веществ между собой и природой, регулирует и контролирует его. Веществу природы он сам противопоставит как сила природы».² Это противопоставление человека природе

¹ Напомним отмеченный выше взгляд А. А. Григорьева (человек — одна из географических особенностей) и К. Гассерта (человек — одно из «природных данных»).

² К. Маркс. Капитал т. I, гл. V.

есть методологическая особенность наук экономических, в чем они и отличаются принципиально от наук географических. Совершенно очевидно, что, изучая хозяйственные явления, мы должны рассматривать человека не как стоящего наравне с природой, а как противостоящего ей. Иными словами, хозяйственные явления суть объект экономики, а не географии.

Впрочем, иногда географы касаются взаимоотношений между природой и человеком. Какой характер носят эти изыскания, видно из следующих рассуждений уже упомянутого выше О. Шюттера: «Не было бы никакого смысла изучать человека и его культуру в рамках географии, если бы не были уверены, что между человеком и природой имеются теснейшие причинные связи. Нам ясна работа человека на земной поверхности, в виде культуры растений, проведения дорог, устройства жилищ; тут как будто не может возникнуть никаких существенных вопросов. Однако, мы убеждены при этом, что окружающая природа глубочайшим образом влияет на тело и дух человека, на культуру и судьбы народов. Вот на этот пункт всегда направлялась философская мысль антропогеографии. Влияние климата выставлялось на первый план, начиная с Гиппократов и кончая XIX веком. Высшее культурное развитие древней Эллады и многое другое приписывалось в большей или меньшей степени климату, который, казалось, таинственным образом определял самые глубины человеческого, указывал основное направление его жизни и деятельности».¹ Это очень старая и хорошо знакомая песня. К счастью для науки, взгляд этот, с которым связано имя Бокля, все более и более делается постоянным архивом. «По Марксу, географическая среда влияет на человека через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных про-

¹ «Место географии человека в науке о жизни», стр. 107 — 108.

изводительных сил, первым условием развития которых являются свойства этой среды. Современная этнология все более и более переходит на эту точку зрения».¹

К сожалению, в своих взглядах по этому вопросу О. Шлютер не является одиноким.² Напр., по мнению проф. С. В. Бернштейн-Когана природная обстановка непосредственно влияет на психику человека.³

3. Неприемлем для изучения хозяйственных явлений и взгляд географов на природу. Мы здесь не будем касаться телеологического взгляда на природу, который, кстати сказать, разделяет О. Шлютер⁴. Взгляд этот хорошо известен: природа приурочена для человека; природные блага созданы (разумеется — богом) для того, чтобы человек воспользовался ими, и т. п. Будем думать, что при разработке географии как науки, — подобные положения не фигурируют. Нас здесь интересует другой вопрос. Как мы видели выше (пункт 2), природа с точки зрения географии есть определенная совокупность объектов (включая сюда и человека), наполняющих поверхность. С этой точки зрения природа (и положение человека в системе природы) представляется неизменной (мы, конечно, не имеем в виду вековых изменений — в роде поднятия и опускания материков, которые географией не отрицаются). Но при таком подходе мы не сможем понять

¹ Г. В. Плеханов. «Основные вопросы марксизма». Раздел VII.

² Характерно то, что проф. Аржансе, редактировавший перевод названной статьи Шлютера и снабдивший ее своими примечаниями и дополнениями, оставил совершенно без возражения цитированное место. Точно также не вызвало никаких замечаний редактора и то место статьи, где Шлютер разделяет теорию Мальтуса о народонаселении и, исходя из нее, вводит свои дальнейшие рассуждения.

³ «Очерки экономической географии». Стр. 33—34.

⁴ «Не слепые являясь природы, а волю живого бога надеялся он познать в своих исследованиях; святое благословение охватывало его, как только он прощивался мыслью о величии творения» (цит. статья, стр. 114). Комментарии не требуются. (О. К.)

изменяемости хозяйственных явлений. Происходит это потому, что география изучает природу как таковую, а экономика с точки зрения ее взаимоотношений с человеческим обществом. Между тем эти взаимоотношения не являются чем-то постоянным. «Влияние географической среды на общественного человека представляет собой переменную величину. Обусловливаемое свойствами этой среды развитие производительных сил увеличивает власть человека над природой и тем самым ставит его в новое отношение к окружающей его географической среде; нынешние англичане реагируют на эту среду совсем не так, как реагировали на нее племена, населявшие Англию во время Юлия Цезаря».¹ Таким образом, природа остается ненаменной, а переменным фактором являются производительные силы, т. е. в конечном итоге техника. «Рав переменной величиной является техника, и именно это движение техники и вызывает изменение отношения между обществом и природой, то ясно, что тут и должен лежать исходный пункт анализа общественных изменений».²

Так как хозяйственные явления динамичны, то при неизменяемости природы их можно понять лишь учитывая развитие производительных сил, а это — категория общественного, а не географического характера. Тем самым хозяйственные явления попадают в сферу наук общественных (в частности экономических), а не географии.

4. Наконец, четвертой характерной особенностью географического направления экономической географии является следующее. Большинство представителей этого направления считает, что экономическая география изучает не просто хозяйственное наполнение пространства, но и взаимоотношения отдельных пространств между собой: напр., такой «чистый» географ как проф. Геттнер пишет:

¹ Г. В. Плеханов. «Основные вопросы марксизма». Раздел VII.

² Н. Бухарин. «Теория исторического материализма», стр. 133 (первое издание, 1922 г.).

«Хозяйственная география... имеет дело с хозяйственными свойствами и взаимоотношениями отдельных стран и местностей» (см. выше о Геттнере). Для нас, экономистов, это совершенно бесспорно. При современном состоянии мировой экономики невозможно изучать хозяйственную жизнь той или иной страны изолированно, вне ее взаимоотношений с другими странами. Но возникает вопрос, как географы представляют себе эти взаимоотношения? Ведь география занимается изучением вещественного наполнения пространства. Поэтому, когда географы говорят о взаимоотношении отдельных стран и местностей, то они имеют в виду взаимоотношения именно отдельных пространств. Возможно, что с точки зрения географической науки такие взаимоотношения возможны. Но с точки зрения хозяйственной, такой взгляд совершенно неприемлем. По нашему пониманию отдельные пространства ни в каких хозяйственных отношениях находиться не могут. Хозяйственные взаимоотношения существуют не между территорией А и территорией В, а между людьми, хозяйствующими на территории А, и людьми, хозяйствующими на территории В. Хозяйственное взаимоотношение отдельных территорий суть хозяйственные взаимоотношения населяющих их людей. Поэтому взаимоотношения отдельных территорий и происходящее под влиянием этого разделение труда между ними есть явление не чисто географического, пространственного порядка, а явление общественное. Таким образом, когда географы говорят о взаимоотношении различных стран, то они вторгаются в совершенно чуждую им область общественных отношений людей в сфере их хозяйственной деятельности, — область, которая является объектом изучения экономических наук.

Итак, четыре раза, исходя из различных отправных пунктов, мы приходим к одному и тому же выводу, который заключается в том, что экономическая география есть не часть географии, а часть экономики. Она есть

наука экономическая, а не географическая. Географическое направление само доказало свою несостоятельность.

Как бы ни были почтены те ученые, о которых мы упомянули выше, какими бы большими знатоками географии они ни были — изучение хозяйственных явлений не их область. Эти ученые сами показывали, что они не могут преодолеть свое одностороннее географическое понимание, свое буржуазное мировоззрение и проникнуть в сферу общественных отношений.

ГЛАВА III.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

Если, как мы только-что видели, экономическая география есть наука экономическая, то тем больший интерес вызывают у нас авторы, придерживающиеся экономического направления, и с тем большей строгостью должны мы отнестись к их построениям.

Э. Фридрих. Рассматриваемой нами группе воззрений нужно прежде всего отвести традиционную школу в целом ее составе. Именно в этом и заключается ее отличие от школы районирования, ибо последняя, как мы уже видели, считает нашу науку частью географии. Традиционное направление, столь сильно распространившееся в России, имеет свои корни за границей. В качестве крупнейшего представителя этого направления нужно назвать проф. Эрнста Фридриха. Он установил ряд совершенно правильных положений, которые легли в основу целого направления в экономической географии. Для Фридриха уже не земля, а хозяйственная деятельность человека, различные виды хозяйства являются объектом экономической географии. Соответственно с этим и его взгляд на природу и на человека совсем иной, чем у представителей географического направления. Для харак-

теристики взглядов Фридриха приводим соответствующие места из его книги «Общий очерк экономической географии».

«Для понимания географического распространения различных видов хозяйства необходимо: 1) изучение природных условий местности, поскольку они нужны для хозяйства, и 2) изучение культурного состояния народов, т. е. тех ступеней, на которых стоит их хозяйство».¹

«...Успешность хозяйства в той или другой части земного шара зависит от двух местных причин: от характера природных условий и от состояния человека, т. е. от степени умения его влиять на природные условия».²

Таким образом в понимании Фридриха природа рассматривается в экономической географии не сама по себе, а как условие для хозяйственной деятельности человека. Природа интересна лишь постольку, поскольку имеется хозяйствующий человек. Это — во-первых. Во-вторых — автор совершенно правильно указывает, что хозяйственная деятельность человека определяется степенью его умения влиять на природу.

Касаясь роли природы и человека в их совокупном влиянии на хозяйственную жизнь, проф. Фридрих говорит следующее: «Природа, в своих главных чертах, остается неизменной в течение столетий, и следовательно остановка хозяйственной жизни или движение ее вперед зависят от различия в людях».³ Иными словами, хозяйственная жизнь определяется степенью умения человека влиять на природу, т. е. уровнем техники.

Оставляя в стороне детали, нужно в указанной части признать ход рассуждений автора совершенно правильным, но, увы, только в этой части. Ибо дальше Э. Фридрих развивает свои построения следующим образом: «... степень развития психических способностей (людей. О. К.)

¹ Указ. сочинение, стр. 1.

² Там же, стр. 2.

³ Там же, стр. 14.

дает ключ к пониманию их хозяйственной пригодности, которая выражается в умении влиять на природные условия».¹ Иначе говоря, уровень общественной техники определяется степенью психического развития. Здесь мы имеем типичное идеалистическое понимание в его самой чистой форме. Исходя из такого понимания хозяйственной эволюции, автор указывает следующие четыре хозяйственные ступени: 1) ступень собирания, 2) ступень инстинкта, 3) ступень непосредственного опыта и традиций и 4) ступень науки и техники. Если первая ступень характеризуется по признаку безусловно хозяйственному (сюда относится собирание дикорастущих растений, охота, рыболовство), то остальные три построены на основании своеобразного психического признака. Таким образом, даже с чисто методологической точки зрения классификация хозяйственных ступеней является невыдержанной и ненаучной.

Насколько плодотворна идеалистическая точка зрения при изучении хозяйственных явлений, лучше всего видно из примеров самого Фридриха. Так, хозяйственную отсталость России и балканских стран автор «объясняет» следующим образом: «Дух исследования и свободной науки, который один только и обеспечивает высокую ступень хозяйственной и политической жизни, еще отсутствует».²

Аналогично «объясняется» и состояние сибирского хозяйства: «Сибирский крестьянин находится под тяжелым гнетом преданий, и поэтому хозяйство подвигается вперед лишь медленными шагами».³

¹ Указ. соч., стр. 16. Характерно при этом то, что автор имеет в виду, главным образом, психические способности «высших слоев», т. е. господствующего класса.

² Там же, стр. 22. (Курсив наш. О. К.)

³ Там же.

В Соединенных Штатах и Канаде, а отчасти Аргентине и Чили, где климат умеренный и подходит для европейцев, последние совершенно вытеснили туземцев и потому («объясняет» Фридрих) эти страны находятся на ступени «науки и техники». Наоборот, в Центральной Америке, куда переселялись преимущественно испанцы и португальцы (нации «низшего сорта»), туземцы не были вытеснены пришельцами, а лишь смешались с ними. В результате — население там малопродуктивное, и потому эти страны находятся на ступени «традиций».

Нет никакой необходимости полемизировать с Фридрихом и доказывать неправильность его взглядов. Они ошибочны уже тем, что они идеалистичны. Таким образом проф. Фридрих, начав с правильных положений, пришел к совершенно ложным выводам. Отрецировавшись от географии, он, однако, не мог отрешиться от своего идеализма. Порвав с чистой географией, он по дороге к чистой экономике попал в сети, расставленные идеализмом.

Другая ошибка в построении проф. Фридриха заключается в следующем. Как это видно из цитированных нами мест, автор считает возможным объяснять хозяйство данного места, исходя исключительно из местных условий. «Экономическая география, — говорит автор, — имеет целью выяснение различных видов хозяйства в зависимости от местных условий».¹

Отмеченное понимание совершенно неправильно. В настоящее время все части земного шара так хозяйственно связаны друг с другом, что хозяйство каждой части может быть понято лишь исходя из хозяйства всего земного шара. Поэтому для объяснения хозяйства какой-либо местности нужно изучать не только условия данного места, но и условия всего целого. Хозяйство какого-нибудь псковского крестьянина, доходность которого почти всецело зависит

¹ Указ. сочинен., стр. 1.

от суммы денег, вырученной за лен, далеко не определяется одними лишь местными условиями. Местная цена на лен устанавливается в зависимости от мировых цен, а последние в зависимости от мировых цен на хлопок. При прочих равных условиях, наш льновод тем меньше получит дохода, чем выше урожай хлопка в Соединенных Штатах и наоборот. Поэтому с указанной точки зрения хозяйство нашего льновода зависит от своих местных условий не больше, чем от местных условий американского хлопкового пояса.

Итак, хозяйственные явления не могут быть объяснены одними лишь условиями данного места. Когда Фридрих высказывает свой взгляд, он говорит не как экономист, а как географ, ибо это география стремится объяснить все явления, исходя из условий места. Наоборот, экономика исходит из целого. Высказывая свой взгляд, Фридрих показывает, что он не целиком оторвался от географии и не вполне проникнул в экономику. Таково содержание формальной части учения Фридриха. Главными недостатками его является, как мы видим: 1) невыдержанность построения, 2) его идеалистический характер и 3) недостаточное отрешение от географии и проникновение в экономику.

Что же касается материальной стороны экономической географии Фридриха, то изложение предмета ведется по отдельным, самым мелким, отраслям хозяйственной деятельности. Как мы увидим ниже, это является объектом жестоких нападков со стороны противников традиционного направления.

Громадный шаг вперед, по сравнению с учением Фридриха, сделал глава традиционного направления в России — проф. В. Э. Ден. В своих «Очерках по экономической географии» вышедших еще в 1908 г., проф. Ден в первых же строчках заявляет: «Экономическая география составляет часть политической экономии или науки о народном хозяйстве». При этом из политической экономии автор выделяет

следующие предметы: 1) общую теорию политической экономии, 2) ряд специальных предметов: экономия сельского хозяйства, экономия промышленности и т. п., 3) экономическую историю и 4) экономическую или хозяйственную географию.

Оставляя в стороне вопрос о правильности классификации экономических наук, даваемой проф. Деном, и об употребляемой им при этом терминологии, следует признать, что основная мысль автора совершенно правильна: экономическая география принадлежит к числу экономических наук.

Определение В. Э. Дена получило широкую известность: «Экономическая или хозяйственная география ставит себе целью изучение современного состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни в их географическом распространении, а также тех физических и культурных условий, которые так или иначе влияют на каждую из этих отраслей. Хозяйственная география является как бы дополнением к хозяйственной истории: последняя изучает хозяйственную жизнь в прошлом, первая в настоящем».¹

К этому проф. Ден сделал, как это правильно отметил проф. Огановский², два существенных добавления.

Во-первых — «экономическая география должна сосредоточить свое внимание не только на фактах, встречаемых в действительной жизни, но и на тех формах, в которые эти факты выливаются; она должна выяснить, какие формы одновременно существуют в разных отраслях хозяйственной жизни, нет ли в этом существовании известной закономерности». Во-вторых — «в хозяйственной жизни все находится в процессе постоянного изменения, при чем одни формы сменяются другими.

Поэтому часто нельзя обойтись без того, чтобы дать изучению экономической географии историческую постановку. Если мы оторвем, что есть, от того, что было, то нередко отрезем себе путь к пониманию».³

В первой из приведенных цитат, В. Э. Ден считает задачей экономической географии выяснение известных закономерностей. Иными словами, автор придает нашей науке определенный номографический характер. Однако, не без основания Огановский и Бернштейн-Коган безоговорочно причислили Дена к «описательному», «идиографическому» направлению. Оба они поступили совершенно правильно, ибо здесь и заключается первое и самое важное расхождение между изложенным предметом и методологическими построениями, которое обнаруживается в учении В. Э. Дена. (Напомним, однако, что, как мы видели выше, этим своеобразными «ножицами» страдает также и учение проф. Бернштейн-Когана). Действительно, проф. Ден, как и другие авторы традиционной школы, занимается чистой идиографией, простым, но весьма добросовестным описанием отдельных отраслей. Элементы обобщения развиты у него чрезвычайно слабо, а уже относительно каких-либо закономерностей не приходится и говорить. Приводимая автором система Тюнена здесь тоже делу помочь не может, ибо эта система никакой органической связи с экономической географией в ее современном состоянии не имеет.⁴ Кроме того, здесь же мы хотели бы отметить наше несогласие со второй частью определения В. Э. Дена. Автор пишет, что целью нашей науки является также и изучение физических и культурных условий, влияющих на хозяйственную деятельность. На это нужно ответить, что «культурные условия» — понятие слишком расплывчатое. Если

¹ Ден, указ. соч., стр. 3—4.

² «Степни по экономической географии СССР», 2 изд. 1924 г., стр. 5.

³ Ден, указ. соч., стр. 7. В первой цитате курсив наш (О. К.), во второй — автора (Дена).

⁴ Иначе думает А. В. Чаянов. Об этом ниже.

автор имеет в виду все условия социального порядка, то с этим можно было бы согласиться. Однако, вряд ли В. Э. Ден вкладывает в это слово такое содержание.

Критика традиционной школы. Традиционное понимание экономической географии не удовлетворяет многих представителей нашей науки, а многочисленные легко уязвимые места традиционного учения явились объектом многих нападок, главным образом, из лагеря географического направления.

При этом характерно то, что географы пытаются уличить авторов традиционного направления в противоречии. Так, К. Гассерт пишет: «...Фридрих выдвинул в хозяйственно-географических исследованиях на передний план человека, тогда как природным условиям он отвел лишь второстепенное место. Таким образом, в противоположность Гёцу, он исходит не из почвы и не рассматривает почву как основу хозяйства, а исходит от человека, благодаря которому хозяйство и возникает. Но в таком случае (как это выдвигает Пенк), центром географических исследований уже не является более земная поверхность, а человек, и этим самым Фридрих ставит себя в противоречие со взглядом на географию как на науку о земной поверхности, которая соответственно своей главной задаче должна строиться на вещественном наполнении частей земного пространства».¹

Так как мы уже подробно выяснили несостоятельность географического направления, то нам нет нужды доказывать неправильность этого возражения. Пенк и повторяющий его мнение Гассерт обвиняют Фридриха в том, что при изучении хозяйственных явлений он выдвигает человека. Но, как мы видели, эта точка зрения и является

¹ «Сущность и образовательная ценность хозяйственной географии». В сборнике «Вопросы экономической географии в школе и в жизни», стр. 137.

как раз правильной и именно поэтому экономическая география и относится к числу наук экономических, а не географических. Кроме этого замечания, указание Гассерта на «еструю смесь товароведения, статистики и всяких географических и не географических придатков» частично (и не без основания) относится также и к авторам традиционного направления.

Л. Д. Синицкий считает Дена почти географом. Подчеркивая необходимость изучения хозяйства в его географическом распространении, на что указывает Ден, Синицкий говорит: «Здесь уже сказано о географическом призвании, за которым непременно должно быть произнесено и *б*»¹ (т. е., что экономическая география есть часть географии). Иными словами, автор полагает, что всякое изучение в пространственном распространении является географией. Однако, далеко не все географы придерживаются такого взгляда. Например, О. Шлютер пишет: «В широком смысле в качестве географического можно рассматривать все, что имеет пространственное распространение на земной поверхности. В течение последних лет эта точка зрения высказывалась неоднократно. Нет сомнения, что мы схватываем географическую сторону явлений, если мы прослеживаем их распространение на земной поверхности. Но нас озадачивает, когда уважаемые географы серьезно ставят вопрос, принадлежит ли землеведению географическое распространение поэтических произведений?... Является ли действительно задачей географии исследовать пространственное распространение монет?...»²

Как мы видели выше (см. стр. 35), и другие географы не всякое изучение пространственного распространения

¹ «К вопросу о методике экономической географии». (В сборнике «Обществоведение в школе» М., 1923 г., стр. 77 — 78.)

² «Место географии человека в науке о земле». В сборнике «География как наука и как учебный предмет», стр. 115.

считают географией, при чем этот взгляд применяется и по отношению к хозяйственным явлениям (см. стр. 26).

Исходя из этого взгляда, А. А. Григорьев отказывается даже считать традиционное направление экономической географией. Подобно тому как географическое распространение животных или растений не есть география, а есть географическая зоология или географическая ботаника, так точно и географическое распространение хозяйственных явлений не есть география (сравни с только-что приведенным мнением Синицкого), а есть географическая экономика. Подобно тому как зоологическое или ботаническое наполнение отдельных стран есть география (зоогеография, фитогеография), так точно и хозяйственное наполнение отдельных стран является географией (экономической географией). Таким образом, А. А. Григорьев дает наиболее резкий отзыв о традиционном направлении, ибо по его мнению экономическая география Фридриха и Дена — не есть экономическая география.

Насколько велика сила этого уничтожающего отзыва, видно из того, что А. А. Григорьев отрицает в лице традиционной школы экономическую географию как экономическую науку, а мы уже выше видели, что экономическая география есть именно наука экономическая, а не географическая.

Отрицательно к традиционному направлению относятся и Г. Г. Шантцау,¹ который пишет: «На долю составителей ходячих у нас школьных учебников (экономической географии. О. К.) остается лишь забота о географическом распределении статистических данных по отдельным странам или по отдельным отраслям хозяйственной жизни, не считаясь совершенно, что этим путем в представлении учащих не возникает и мысли о том, что все этого рода раз-

¹ О Шантцау более подробно ниже.

розненные и единичные данные могут иметь смысл и значение только тогда, когда они объединяются одной общей идеей, а именно идеей мирового хозяйства».

Действительно, никакой объединительной, обобщающей идеи в экономической географии традиционного направления мы не находим.

Итак, мы видим, что традиционное направление подвергается весьма равносторонней критике. Но что же из себя представляет это направление? Если мы не ошибаемся, этот термин введен у нас С. В. Бернштейн-Коганом, и, по нашему мнению, термин этот нельзя не признать удачным. Попытаемся же отметить наиболее характерные черты традиционного направления, при чем мы здесь будем иметь в виду исключительно русских авторов.

1. Исходным моментом является понимание экономической географии как экономической науки.

2. Изложение ведется по отдельным отраслям хозяйственной деятельности. Порайонные обзоры отсутствуют.

3. Характер изложения — описательный, «энциклопедический». Объяснительные, истолковательные элементы отсутствуют.

4. Изучаемая территория (обыкновенно государство) рассматривается сама по себе, а не как часть целого. Мировое хозяйство как отправной пункт при изучении хозяйства любой территории — игнорируется.

5. В связи с общей малоразвитостью обобщающих элементов, внутренняя связь между отдельными отраслями хозяйственной деятельности почти не вскрывается.

6. Методологическая часть мало обоснована и находится в противоречии с действительно применяемым подходом к науке.

Таковы, по нашему мнению, наиболее важные моменты, характеризующие традиционное направление. Разумеется, у одних авторов более подчеркнуты одни моменты, у дру-

гих — другие. Кроме того, у каждого автора имеются свои отклонения и свои индивидуальные особенности, но в общем, нам кажется, что перечисленные пункты вполне отражают сущность традиционного направления.

Наше отношение к этому направлению, как это можно уже понять, отрицательное; однако, мы считаем нужным частично снять несколько слов в защиту этого направления и в оправдание его существования.

Всякая наука сначала проходит период «первоначального накопления». Этот период охватывает те стадии научной работы, которые именуются наблюдением, описанием и классификацией. При этом обычно классификация дается самым характером описываемых объектов. Этот период «первоначального накопления» в экономической географии получил свое отражение и оформление в традиционном направлении. Авторы этого направления занимались тщательным и добросовестным описанием, при чем классификация давалась самой жизнью: описание производилось по отдельным отраслям хозяйственной деятельности. Таким образом традиционное направление мы понимаем как необходимую историческую стадию науки экономической географии. Однако, как и всякая историческая стадия, традиционное направление является переходящим. Действительно, накопленный традиционной школой в громадном количестве описательный материал дает ныне возможность выступить на путь обобщений, а также и исправления и изменения доселе существовавшей классификации. Отсюда — необходимость нового направления в экономической географии, которое приходит на смену традиционному. Последнее выполнило свою историческую роль и должно сойти со сцены.

Исходя из такого понимания традиционного направления, мы считаем, что отрицательное отношение к этому направлению, применяемое в абсолютной, безоговорочной форме, является необоснованным.

Традиционное направление — неизбежная стадия нашей науки. Заслуги авторов этого направления огромны и вряд ли могут быть переоценены.

Поправки
В. Э. Деня.

Чтобы больше не возвращаться к традиционному направлению, отметим здесь, что глава его — проф. В. Э. Ден — повидимому под влиянием критики, несколько изменил свои взгляды на содержание нашей науки. Мы имеем в виду вышедший осенью прошлого года его «Курс экономической географии» (Гос. Изд. Ленинград, 1924 г.).

Прежде всего, автор несколько изменил свое определение экономической географии. На ряду с изучением хозяйственной жизни по отраслям, автор ныне допускает изучение также и по местностям (районам). И предметный и территориальный порядок проф. Ден считает равноценными. «Каждый из этих способов имеет свой смысл и свое оправдание, и поэтому они взаимно друг друга дополняют».¹

Характерно то, что в отношении применяемого им самим предметного способа изучения хозяйственной жизни, автор пишет: «...этот способ не дает общей картины хозяйственной жизни данной страны или района, не дает синтеза всех встречающихся в них отраслей хозяйства и их взаимной связи. Задачу такого синтеза выполняет изучение, идущее по второму из намеченных выше путей».² (т. е. по местностям). С этим мнением автора мы не можем согласиться.

Во-первых, неверно, что при предметном изучении не может быть установлена взаимная связь отдельных отраслей хозяйства. Мы полагаем, что как раз наоборот: именно при таком порядке взаимная связь отдельных отраслей выступает более наглядно и выпукло. Это мы

¹ Указ. сочин., стр. 5.

² Там же.

считаем одним из существенных доводов в пользу предметного порядка изучения. В нашей литературе имеется, кстати сказать, и некоторая иллюстрация нашей мысли, именно — «Очерки по экономической географии» Н. П. Огановского, где автор при предметном порядке изложения сумел наглядно и отчетливо изобразить связь отдельных отраслей хозяйства между собой. Наконец, в малоразвитом виде установление этих связей наблюдается и в самом курсе В. Э. Дена.

Во-вторых, неверно также и то, что порайонное изучение дает общий обзор хозяйственной жизни страны. Если мы изучим под ряд все экономические районы СССР, то общей картины народного хозяйства страны мы еще не получим. Для этого понадобится специальный синтетический обзор. Но такой же обзор понадобится и при предметном изучении народного хозяйства. Поэтому в смысле постижения общей картины хозяйственной жизни страны оба порядка — предметный и районный — являются одинаково несовершенными; при обоих методах нужен специальный синтетический обзор.

Признав районный порядок изучения хозяйства, В. Э. Ден повторяет однако ошибку авторов районной школы. Попрежнему считая экономическую географию составным элементом в системе экономических наук, автор ныне заявляет, что экономическая география является одновременно наукой географической.

Это нововведение автора весьма неудачно. Географическое направление, как мы показали выше, ошибочно. А что экономическое направление всецело может разделять районную точку зрения, мы постараемся показать ниже.

В общем нужно признать, что поправки, внесенные В. Э. Деном, невелики, и традиционность его взглядов очень мало изменилась. Лучшим доказательством сему служит именно его новый учебник.

И. Г. Борисов. Традиционное направление получило и имеет много сторонников. Причиной тому является то, что это направление имеет за собой наибольшую давность и долгое время было у нас вообще единственным направлением и пониманием экономической географии. Кроме того и по сей час это направление дает наиболее оформившееся понимание экономической географии как науки экономической. Поэтому многие, не соглашавшиеся встать на географическую платформу, невольно делались сторонниками традиционной школы, ибо другие течения экономического направления у нас развиты гораздо слабее и не имеют развитого методологического обоснования. Наконец, нельзя не учитывать влияния заграничные, где это направление проповедывали Фридрих и другие.

К традиционному направлению примыкает у нас целый ряд ученых. Из их числа нужно прежде всего назвать И. Г. Борисова, автора учебника, получившего большое распространение и выдержавшего десять изданий. И. Г. Борисов совершенно правильно указывает, что «экономическая география относится к числу наук, изучающих народное хозяйство», т. е. к числу наук экономических. Этот автор принимает определение В. Э. Дена, «как наиболее распространенное». Такой способ аргументации представляется нам совершенно неубедительным и ненаучным. Научные вопросы решаются не количеством голосов, а качеством выставляемых доводов и доказательств.

И. Г. Борисов указывает, что к этому же направлению примыкает проф. Тимофеев и проф. Огановский. Последний из названных ученых действительно в первом издании своих «Очерков по экономической географии» заявляет о своем единомыслии с проф. Деном в понимании предмета экономической географии. Но уже там аргументация и некоторые высказанные им мысли показали расхождение автора с традиционным направлением. Еще более резко

это проявилось во втором издании названной книги, где проф. Огановский более уже не присоединяется к определению В. Э. Дена. Наконец, в обоих изданиях характер наложения и подход к излагаемым вопросам еще более обнаруживает, что автор с этим направлением сильно расходится. Поэтому мы считаем необходимым взгляды этого ученого рассмотреть ниже.

П. Г. Тимофеев. Что же касается проф. П. Г. Тимофеева, то по нашему мнению и этот ученый не вполне может быть отнесен к традиционному направлению, ибо он в некоторых вопросах идет значительно дальше. Во всяком случае, к определению В. Э. Дена он не присоединяется, и причислить П. Г. Тимофеева к традиционному направлению можно лишь по некоторым высказываемым им взглядам. «Экономическая география, принадлежа к числу экономических наук, изучает хозяйственную деятельность человека... Экономическая география имеет близкую связь с политической экономией, объектом коей является также хозяйственная деятельность. Некоторые экономисты считают поэтому экономическую географию даже составной частью политической экономии. Однако, такое отождествление экономической географии с политической экономией представляется с нашей точки зрения неправильным».¹

Хозяйственная деятельность, развивает далее свою мысль автор, слагается под влиянием факторов естественных и социальных. При этом одни стороны хозяйственной деятельности являются результатом воздействия преимущественно естественных факторов, другие — факторов социальных. К сожалению, автор не приводит никаких примеров для подтверждения этой мысли, в то время как последняя в этом очень и очень нуждается. Исходя из этого необоснованного положения, автор и проводит раз-

¹ Экономическая география России, стр. 5.

граничение между политической экономией и нашей наукой. «Экономическая география изучает стороны хозяйственной деятельности, сложившиеся в разных странах, главным образом, под влиянием естественных факторов, т.е. местных условий природы — территории, климата, почвы и т. д. Политическая же экономия знакомит нас лишь с общими законами экономических явлений, вытекающими из изучения тех сторон хозяйственной жизни человека, которые сложились, главным образом, под влиянием факторов социальных — на почве взаимных отношений между собой групп, классов населения и отдельных лиц».²

Вряд ли кто согласится, что разграничение между этими науками проведено автором отчетливо и правильно. Оставляя в стороне вопрос о правильности формулирования автором сущности политической экономии, остановимся на первой части цитированного места.

Во-первых — нам совершенно неизвестно, какие это стороны хозяйственной деятельности складываются главным образом под влиянием местных природных факторов. Обыкновенно указывают, что сельское хозяйство из всех отраслей особенно зависит от природных условий. Однако, сам П. Г. Тимофеев говорит, что сельское хозяйство зависит от многообразных экономических условий, как-то — степень населенности, близость рынка, удобство путей сообщения и т. п.³ Благоприятные природные условия для хлопководства существуют в Туркестане в течение всего геологического периода, который в настоящее время переживает наша планета, однако, хлопководство, несмотря на то, что оно существует там многие столетия, развилось лишь в течение 20 — 25 лет перед войной. Повидимому, в этом повинны какие-то другие условия.

² Указан. соч., стр. 5 — 6.

³ Указан. соч., стр. 57.

В-вторых — что дело не в одних природных условиях, понимает и сам проф. Тимофеев. Ведь он пишет, что экономическая география принадлежит к числу наук экономических. А так как последние изучают общественные отношения людей в сфере их хозяйственной деятельности, то, следовательно, с этими общественными отношениями приходится иметь дело и экономической географии. Таким образом, понимание экономической географии, выдвинутое проф. Тимофеевым при разграничении ее с политической экономией, противоречит первоначально выставленному им положению.

В-третьих — автор усиленно подчеркивает местный характер условий, влияющих на хозяйственные явления данного места. Это также неверно. Одними местными условиями стремится все объяснить география. Для экономической географии, как экономической науки, невозможно изучать одну часть территории независимо от других. Местные природные условия могут иметь влияние (разумеется косвенное) и на хозяйственные явления, происходящие в совершенно другой местности. Атмосферные явления (условия природные), вызвавшие неурожай в одной части страны, влекут повышение хлебных цен в других ее частях. Наломим также приведенный выше пример о русском льноводстве.

В стремлении выяснить сущность экономической географии проф. Тимофеев не ограничивается лишь одним указанием на ее различия с политической экономией. Указывая на большую связь нашей науки с общей географией, автор поднимает вопрос о причинах, побуждающих экономическую географию выделиться в особую науку. Проф. Тимофееву нужно поставить в заслугу то, что он первый из русских авторов сделал попытку разграничить эти две науки. Различие между ними заключается по его мнению в том, что общая география при изучении той или иной страны не прибегает к сравнению с дру-

гими странами, тогда как экономическая география без этого обойтись совершенно не может. «Этим методом сравнения экономическая география и отличается существенно от общей географии и, в силу этого, имеет право на самостоятельное существование, как наука».¹ Автор совершенно правильно учитывает, что метод есть основное различие между этими двумя науками. Но сущность этого метода формулирована им не вполне точно и кроме того не указано различие в объектах изучения. Предметом географии является земля; предметом экономической географии — общественный человек. Этому различию в объектах соответствует и различие в методах. При изучении той или иной территории география исходит исключительно из одних лишь местных условий данной территории. Наоборот, экономическая география никогда не забывает, что хозяйственная жизнь каждой части земли так или иначе связана с мировым хозяйством и со всеми составными его частями, и поэтому только исходя из целого может быть понята и изучена в хозяйственном отношении та или иная территория. Сравнение хозяйства данной страны с таковым других стран и с мировым хозяйством есть лишь внешнее выражение внутренней сущности этого метода. Сущность же его заключается в том, что, как мы уже указали, часть может быть понята лишь исходя из целого. Это целое есть мировое хозяйство. Проф. Тимофеев сам указывает, что самодовлеющих хозяйств нет, и что все народы связаны в одно общее мировое хозяйство. Экономическая география, охватывающая хозяйство всех народов земного шара, будет отличаться наибольшей полнотой, и ее проф. Тимофеев называет «всеобщей экономической географией».

Чтобы исчерпать все элементы методологического построения проф. Тимофеева, нам осталось лишь указать,

¹ Указан. сочин., стр. 8.

что выставляемый им метод сравнения связан, по мнению автора, с особой систематизацией экономического материала по отраслям и употреблением статистических данных. Проф. Тимофеев усиленно подчеркивает необходимость систематизации по отраслям, ибо территориальная система употребляется, по его мнению, лишь в общей географии. Между тем, автору должно быть хорошо известно, что проф. Бернштейн-Коган и возглавляемое им направление думают (и не без основания) как раз наоборот и считают необходимым именно территориальное, районное изучение хозяйства, а не предметное. Автор, таким образом, защищает тот характерный для традиционного направления порядок, который сам проф. В. Э. Ден — глава направления — ныне не считает нужным отстаивать. Что же касается статистических данных, то пользование ими, так же как и употребление статистического метода, ничего характерного для экономической географии не представляет, ибо и то и другое широко применяется многими другими науками.

В дальнейшем проф. П. Г. Тимофеев смягчил свою резко «отраслевую» точку зрения и вслед за проф. Деной признал, что помимо предметного построения имеет свой смысл и построение районное. Вот что пишет проф. Тимофеев в третьем издании своего курса: «В сущности, обе названные системы имеют, так сказать, законное основание. Первая (т. е. отраслевая система, О. К.) дает ясную, цельную и законченную картину народного хозяйства страны в целом, дает более или менее полное представление о размерах и значении каждой отдельной отрасли хозяйства всей страны и о том положении, которое данная страна занимает среди других стран по той или другой отрасли хозяйства, но не дает, положим, необходимой детализации народного хозяйства отдельных районов. Вторая — дает необходимую детализацию по районам, но, проведенная в чистом виде, не дает зато столь ясной и законченной

картины народного хозяйства страны в целом, как первая система. Поэтому правильнее было бы считать обе системы не исключаящими друг друга, а взаимно развивающимися».¹

Таким образом ныне проф. Тимофеев соглашается с целесообразностью порайонного наложения экономической географии. Однако, он все-таки продолжает переоценивать предметное построение. По его словам, это построение дает «...цельную и законченную картину народного хозяйства страны в целом». С этим утверждением трудно согласиться. Если предметный порядок дает уже законченную картину, то как же тогда понять признание автором районного способа изложения? Мы же полагаем, что в смысле постижения общей картины хозяйственной жизни страны в целом оба порядка — предметный и районный — являются одинаково несовершенными. Каждый метод в отдельности дает картину хозяйственной жизни лишь в одном разрезе. Употребляя оба способа, мы достигаем более полного и всестороннего изучения народного хозяйства, но это изучение все-таки происходит по отдельным элементам (отраслям и районам). Для получения общей картины народного хозяйства, для изображения хозяйственной жизни в целом, необходим еще особый общий обзор. Об этом мы подробно остановимся в главе V, при рассмотрении метода экономической географии.

Подводя итог всему сказанному о взглядах проф. Тимофеева, приходится признать, что этого автора нельзя всецело причислять к традиционному направлению. В целом ряде пунктов он с этим направлением сильно расходится. Многие мысли, высказанные автором, как мы видим, неверны, но в том верном, что им сказано, заключается много ценного. Мы особенно ценим попытку автора опре-

¹ Экономическая география СССР — 3-е изд. 1925 г., стр. 4.

делить отличие нашей науки от общей географии и попытку сформулировать метод экономической географии. Нет нужды, что эти попытки не вполне удачны. Важно то, что автор выдвинул эти вопросы и поставил их на очередь. Но более всего важно то, что автор указывает на невозможность изолированного изучения хозяйства отдельных стран. Этим самым, автор резко расходится с традиционной школой и приближается к противоположной школе (экономического же направления), враждебной традиционной.

Несмотря на все указанные положительные моменты во взглядах проф. Тимофеева, мы обнаруживаем у него такой недостаток, который, пожалуй, перевешивает все его достоинства. Дело в том, что у П. Г. Тимофеева в очень резкой степени проявляется один из признаков традиционной школы, который является слабым местом в экономической географии вообще. Именно, его фактическое изложение предмета вовсе не соответствует высказываемым им методологическим взглядам. Таким образом, последние носят почти исключительно декларативный характер. Это нужно все время иметь в виду, разбирая взгляды проф. П. Г. Тимофеева.

Н. П. Огановский. Еще более расходится с традиционной школой и приближается к противоположному ей направлению проф. Н. П. Огановский. Выше мы уже посвятили несколько строк этому автору, сейчас же рассмотрим те взгляды на экономическую географию, которые им высказаны во втором издании его «Очерков по экономической географии». Здесь он отчетливо высказывает свое мнение о предмете, методе и содержании экономической географии.

«Объектами изучения экономической географии являются:

1. Мировое хозяйство, как результат экономических взаимоотношений отдельных национальных хозяйств.

2. Народное хозяйство, как совокупность отдельных областных или районных хозяйств данной страны»¹

С подобным определением объектов экономической географии мы не можем согласиться по двум основаниям.

Во-первых — автор излишне ограничивает объект лишь мировым хозяйством и государством. Мы себе можем мыслить также и экономическую географию отдельного района. Теоретически это вполне допустимо, а практически это подтверждается целым рядом экономико-географических обзоров, посвященных отдельным районам СССР, которые появились в печати за последнее время. Затем мы можем себе представить экономическую географию одной части единого экономического района (напр., экономическая география Грузии или Армении, в то время как все Закавказье представляет из себя один район), и наоборот возможна экономическая география нескольких районов. Напр., «Экономическая география Украины» Сухова или написанная самим Н. П. Огановским книга «Народное хозяйство Сибири», которая в известной степени является экономико-географическим обзором Сибири (а последняя состоит из нескольких районов). Наконец, мы можем иметь и экономическую географию группы государств. Подобный опыт проделан М. Б. Вольфом и Г. А. Мебусом в их «Очерках экономической географии иностранных государств». (Мы имеем в виду их порайонные обзоры государств.) Таким образом, указывая на мировое и народное хозяйство, проф. Огановский далеко не исчерпал всех объектов экономической географии. А так как эти объекты, как мы только что видели, довольно разнокалиберны, то нам казалось бы наиболее правильным объектом экономической географии считать 1) мировое хозяйство и 2) всякую составную часть его (большую или малую безразлично). Под эту вторую рубрику подойдет

¹ Указ. сочинение, стр. 3.

таким образом часть района, район, группа районов, государство, группа государств и, если угодно, целая часть света. Каждая из названных категорий является составной частью мирового хозяйства: одна большей частью, другая меньшей; одна более простым элементом, другая — более сложным. Но каждая из них противопоставляется мировому хозяйству, как целому.

Во-вторых — данное проф. Огановским определение мирового хозяйства нам представляется неверным. Понятие мирового хозяйства автор выводит из национального хозяйства. Иными словами национальное хозяйство имеет первичный характер, а мировое хозяйство есть производное от первого.

Мы думаем как раз противоположное. Мы полагаем, что мировое хозяйство есть категория первичного порядка, а национальное — вторичное. Не мировое хозяйство подчиняется национальному, а наоборот.¹ Признав факт существования мирового хозяйства, нужно быть последовательным, признав и органическое единство мирового хозяйства, а равно и мировое хозяйство как единый производственный организм.²

О методах проф. Огановский говорит немного. «В основу экономической географии обычно кладется индуктивно-статистический метод... Но статистика все же не в состоянии уловить и оформить в количественных выражениях ряд элементов, необходимых для нашей дисциплины».³ Последнее замечание совершенно резонно. На ряду с указанным методом, проф. Огановский, как

впрочем и другие авторы, применяет «метод индуктивного историко-географического анализа».⁴

Однако, наиболее интересным для нас местом является то, где проф. Огановский, полемизируя с проф. Бернштейн-Коганом, говорит: .. «экономическая география в настоящее время должна быть посвящена... анализу экономического взаимодействия районов в народном хозяйстве и национальных хозяйств — в хозяйстве мировом».⁵ Иными словами, мировое хозяйство и взаимодействие его частей и составляет содержание экономической географии. Как видно, проф. Огановский в области понимания взаимоотношений мирового и национального хозяйства ушел гораздо дальше проф. Тимофеева. Позволим здесь для сравнения привести одну мелочь, но мелочь очень характерную. П. Г. Тимофеев под заголовком своего учебника пишет: «в сравнении с важнейшими странами», а Н. П. Огановский: «в связи с мировым хозяйством». Нет необходимости объяснять, какая «дистанция огромного размера» разделит обоих авторов.

Таким образом, взгляды проф. Огановского весьма далеки от традиционного направления, и этот ученый гораздо больше примыкает к точке зрения Г. Г. Шнитцау. На это указывает и сам Н. П. Огановский. К сожалению, изложив взгляды Шнитцау, проф. Огановский совершенно не высказал своего отношения к ним и тем самым не дал нам прямых указаний судить о том, каковы их пункты расхождения и на каких вопросах оба автора сходятся.

В то время, как все рассмотренные выше авторы приходили к понятию мирового хозяйства как к вопросу второстепенному или

¹ О господствующей роли мирового хозяйства говорит и сам проф. Огановский в своей очень интересной книге «Русский крестьянин в мировом хозяйстве». 2 изд. «Новая Деревня». М., 1924 г.

² Об этом см. ниже.

³ Огановский, «Очерки по экономической географии». 2 изд., стр. 4.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 7. (Курсив наш. О. К.)

О. А. Колесникова.

вторичного порядка, Г. Г. Шниттау¹ вкладает это понятие в основу своего понимания экономической географии. Последняя «имеет своей задачей изучение современного состояния хозяйства народов земного шара или мирового хозяйства, как во всем его целом, так и по отдельным хозяйственно-географическим его районам. Отсюда, основной задачей экономической географии является, во-первых, построение мирового хозяйства, как одного целого (общая часть), и, во-вторых — установление взаимоотношений между отдельными хозяйственными районами, как его составными частями, и описание их (специальная часть)».²

Дав такое определение, автор считает нужным обстоятельно обосновать идею мирового хозяйства, и в своей аргументации он прибегает к всемирной истории, всеобщей географии и мировой статистике, ибо отсюда, по мнению автора, экономическая география заимствовала идею мирового хозяйства. Последнее существенно отличается от хозяйства частного и общественного (государственного). Различие это заключается в субъекте, в объекте и во взаимоотношениях субъекта и объекта.

Субъектом частного хозяйства является физическое или юридическое лицо; общественного хозяйства — общество, народ, племя; мирового — все население земного шара.

Объектом частного хозяйства являются реальные ценности, главным образом в виде товаров. В общественном хозяйстве помимо товаров выступают еще и ценности

¹ «Экономическая география в общей системе экономических наук». Журнал Мин. Нар. Просв. за 1916 г., апрель, стр. 113 — 137.

Эта же статья под названием «Мировое хозяйство как предмет экономической науки» помещена в сборнике статей Г. Г. Шниттау — «Социально-экономические очерки». Одесса, 1918 г. (стр. 36 — 65).

² Указ. соч., стр. 115 — 116. Однако, автор указывает также, что экономическая география является одновременно и частью географии (об этом — ниже).

публичного порядка (общественные здания, парки, памятники и т. п.); наконец в мировом хозяйстве наряду с национальными богатствами выступают и достояния международного порядка: океаны, содержащиеся в них богатства и т. п. Разница во взаимоотношениях следующая. В первом случае мы имеем исключительно личный интерес хозяйствующего лица; во-втором — государственный интерес в развитии национальных производительных сил и в третьем случае — мировое производство как материальную базу культурного подъема всего человечества.

Во время как объект и субъект хорошо изучены географией и демографической статистикой, взаимоотношения между ними являются областью мало разработанной, почему этот вопрос и должен быть центром внимания исследовательской работы.

Метод исследования может быть аналитический и синтетический. Сущность первого заключается в изучении отдельных отраслей, второго — в изучении отдельных территориальных частей мирового хозяйства. Последний метод автор считает предпочтительным.

Экономическая география делится на общую часть и специальную.

«Предметом общей части является мировое хозяйство, как одно целое, определяемое естественно-географическими условиями нашей планеты».³

Общая часть делится на три отдела.

Первый отдел — элементы мирового хозяйства: 1) природа (объект); 2) население (субъект) и 3) мировое производство как результат взаимоотношений субъекта и объекта.

Второй отдел — основные условия мирового оборота: 1) мировая торговля, 2) средства и пути сообщения, 3) таможенная и тарифная политика, 4) колониальная политика и 5) организация международного общения.

³ Указан. статья, стр. 134.

Третий отдел — расчленение мирового хозяйства на хозяйственно-географические районы (синтетический метод).

Наконец специальная часть экономической географии должна включать общие обзоры отдельных хозяйственных районов.

Таковы, в схематическом виде, методологические построения проф. Швиттау. Мы здесь не охватываем всех деталей (они нам не нужны) и отмечаем лишь наиболее существенные пункты.

Чтобы не затягивать изложения, мы не будем входить в подробную оценку всех элементов методологического построения Г. Г. Швиттау и ограничимся лишь указанием на то, какие взгляды этого автора мы принимаем и с какими — не соглашаемся.

Прежде всего мы всецело присоединяемся к тому, что в основе экономической географии лежит мировое хозяйство, как категория, стоящая над отдельными народными хозяйствами и их поглощающая. Совершенно правильно замечает автор, что сообщаемые в учебниках традиционного направления «раврознесенные и единичные данные могут иметь смысл и значение только тогда, когда они объединяются одной общей идеей, а именно идеей мирового хозяйства». Но мировое хозяйство есть не только идея, но реальный факт нашего времени, и большой заслугой автора является то, что в основу мирового хозяйства он кладет мировое производство, как результат взаимоотношений между природой земного шара и человечеством, как целым.

Весьма приемлемо также и то деление экономической географии на общую и специальную, которое предлагает автор. Однако, мы думаем, что специальная часть может изучать не только крупные части мирового хозяйства, как на этом настаивает Г. Г. Швиттау, но и более мелкие. Центр тяжести должен заключаться в том, что каждая территория

изучается не сама по себе, а как часть мирового хозяйства. Что же касается общей части, то, не имея возможности входить в подробное обсуждение деталей ее построения, отметим лишь, что как ни интересно предложение автора, однако, мы считаем эту схему для себя не вполне приемлемой.

Уже совершенно неприемлемым является для нас учение проф. Швиттау об элементах хозяйства: субъекте, объекте и их взаимоотношениях.

«Мировое хозяйство, как правильно говорит Н. Бухарин, есть один из видов социального хозяйства вообще. Под социальным же хозяйством политическая экономия разумет прежде всего систему индивидуальных хозяйств, связанных друг с другом обменом. С этой точки зрения совершенно ясно, что «социальное хозяйство» отнюдь не предполагает «хозяйственного субъекта», который руководит всей совокупностью экономических отношений».¹

«Термин мировое хозяйство предполагает классификацию по широте хозяйственных связей» пишет тот же автор. Таким образом в основе понятия мирового хозяйства лежит широта хозяйственных связей, т.-е. отношений между людьми. Между тем Швиттау кладет в основу различия в субъектах и объектах.

Наконец, нельзя не поставить автору в упрек то, что он никак не может окончательно оторвать нашу науку от географии. Г. Г. Швиттау, давший столь разработанное построение экономической географии, как экономической дисциплины, считает, однако, что экономическая география является одновременно и частью географии. Совершенно прав автор, когда он говорит, что исторически экономическая география выделилась из антропогеографии, которая в свою очередь выделилась из общей географии; верно

¹ Н. Бухарин. «Мировое хозяйство и империализм». 3 изд. «Прибой» 1923 г., стр. 10.

также то, что география и экономическая география часто оперируют над одним и тем же материалом. Однако делать из этого вывод о принадлежности нашей науки к географии — нельзя.

Кроме того, автор полагает, что мировое хозяйство определяется исключительно одними естественно-географическими условиями (см. его определение общей части экономической географии).

Мы уже выше показали, что такое понимание неправильно и что игнорирование социальных условий является недопустимым.

Таким образом, хотя проф. Г. Г. Шниттау и дал весьма обстоятельное обоснование экономической географии, как экономической дисциплины, однако и его построение является далеко не вполне выдержанным и содержит много ошибок. Все-таки он является автором, наиболее резко проводящим экономическую точку зрения на нашу науку, и многие его положения мы воспользуемся при изложении нашего понимания экономической географии.

А. В. Чаянов. С весьма интересными взглядами на задачи экономической географии выступил проф. А. В. Чаянов.¹ Этот автор делает чрезвычайно ценные указания на то, в каком направлении должны вестись экономико-географические исследования обобщающего характера. Цель этих обобщений — найти некоторую закономерность в пространственном расположении хозяйственных форм.

«Найти формулу, в которой происходит установление равновесия между местной плотностью населения, положением района в отношении рынка и его естественно-географическими особенностями — вот, по нашему мнению, одна

¹ Труды высшего семинария сельско-хозяйственной экономики и политики при Петровской сельско-хозяйственной Академии. Вып. I, М., 1921 г., стр. 69 — 74. «Номографические элементы экономической географии».

из важнейших теоретических задач в области изучения экономической географии».¹

Опираясь на эту цитату, некоторые ученые, в особенности авторы учебников (см. выше, стр. 10), говорят об особом «номотетическом» направлении в экономической географии, которое намечает А. В. Чаянов. Мы понимаем этого автора несколько иначе. Мы нигде в его статье не нашли указания на «чисто номографический» характер, который должна носить наша наука. Наоборот, по нашему мнению, автор не только не игнорирует возможность «идиографических» изысканий, но даже ставит их во главу угла, ибо искомая формула должна, по его словам, помочь вести исследования именно «идиографического» характера. Кроме того, из самого названия статьи видно, что автор говорит только об элементах, но не о целом направлении.

Свои взгляды А. В. Чаянов изложил в самых общих чертах и в схематическом виде. Его «основные положения, определяющие собой пространственное расположение народно-хозяйственных явлений» относятся целиком к сельскому хозяйству. Как объять одной формулой и прочие явления народного хозяйства, автор не говорит. Ссылка на А. Вебера здесь недостаточна.

Те небольшие указания, которые имеются относительно применяемого автором метода исследования, говорят, что этот метод вполне приемлем с точки зрения нашего понимания экономической географии. Так, А. В. Чаянов придает рынку (категории социального порядка) приоритет над природными условиями данного места и т. п.

Отыскиваемые А. В. Чаяновым и его учениками общие законы относятся к такой стадии науки, когда последняя вступает в полосу высших обобщений и установления

¹ Указ. статья, стр. 70.

закономерностей. Как мы видели выше, наша наука только сейчас переходит на первую ступени (периода описания) во вторую (период простейших обобщений). Поэтому найти эту искомую формулу при современном состоянии науки экономической географии будет делом чрезвычайно трудным. Тем больше будет чести ученым, которые сумеют эту формулу установить.

В заключение своей статьи, автор не без основания говорит, что его теория «в некотором отношении является не только теорией экономической географии, но отчасти и теорией хозяйственной эволюции».¹

Но если бы даже эта теория была целиком теорией хозяйственной эволюции, то и тогда (в том построении, которое выдвигает А. В. Чаянов) она имела бы громадное значение для исследовательских работ в области экономической географии.

Наконец, последним из авторов экономического направления мы рассмотрим М. Эльскую.² Мы рассматриваем этого автора в самом конце, потому что М. Эльская выступает с особой комбинированной точкой зрения и кроме того одновременно с этим делает первую в русской литературе попытку подойти к вопросам методологии экономической географии под марксистским углом зрения.

К сожалению, взгляды этого автора не отличаются особой четкостью и содержат некоторые противоречия.

Перечислив существующие воззрения, автор высказывает свое отрицательное к ним отношение. По адресу Г. Г. Шантгау М. Эльская пишет: «Несомненно, для марксиста наиболее

подходящей и ясной кажется теория Шантгау. Мировое хозяйство — цель и тенденция нашего переходного периода. Уловить его образование, предначертать создавшиеся формы — такова цель новой науки. Но практически это не так. Экономическая география уже фактически перешла за пределы обобщения и детализации, к краеведению, к изучению отдельных хозяйственных отраслей. Мировое хозяйство не может стать отраслью особой науки».¹

Существующим воззрениям автор противопоставляет свое понимание экономической географии.

«Экономическая география отличается от политической экономии не столько по своему объекту, сколько по иному подходу к хозяйственной жизни.

Ее предметом прежде всего является изучение той пограничной области между естественством и экономикой, которая называется производительными силами и средствами производства.

Экономическая география — это наука о состоянии средств производства и производительных сил, наличных на нашей планете или в данном ее районе.

Другая задача экономической географии — это выяснение тех хозяйственных формаций, которые имеются в действительности, условий и тенденций их развития.

Третья задача экономической географии — это выяснение тенденций и законов пространственного расположения хозяйственных форм».²

Таким образом, автор, только-что утверждавший, что наша наука перешла за пределы обобщений к детализации, теперь заявляет, что одной из задач экономической географии является выяснение законов. Следовательно, наша наука не перешла предел обобщения, а только-что подошла к этой области научной работы.

¹ Указан. статья, стр. 74.

² «Мировое хозяйство, экономическая география и марксистская школа». «Коммунистическое просвещение». № 2 (8) 1923 г., М., стр. 49 — 51.

¹ Указан. статья, стр. 50.

² Там же, стр. 51.

Затем автор пишет, что экономическая география «не может не быть наукой о мировом хозяйстве», между тем как выше М. Эльская эту возможность отрицала.

В эти противоречия автор впадает потому, что, по собственному заявлению, дает сложную комбинацию существующих взглядов.

Однако было бы неправильно истолковывать эти слова как эклектизм. Тов. М. Эльская, как марксист, конечно имела в виду не то комбинирование чужих взглядов, которым занимаются эклектики. Автор несомненно имел другую мысль, а именно: Существующие взгляды на экономическую географию не являются абсолютно ложными. Наоборот, многие мысли, высказываемые разными авторами, являются правильными, и эти мысли должны найти свое отражение в марксистской методологии экономической географии. Такая точка зрения тов. Эльской является совершенно правильной, и мы ее всецело разделяем. (Как увидит читатель, развиваемое нами ниже наше понимание экономической географии содержит некоторые мысли других авторов.)

Впрочем, взгляд тов. Эльской на экономическую географию нам не вполне ясен, ибо ее «сложная комбинация существующих точек зрения» не является достаточно обоснованной. Взгляды других авторов, нашедших отражение в понимании М. Эльской, не являются органически связанными друг с другом и не имеют цементирующей их общей идеи. Иными словами, тов. Эльская еще недостаточно выявила свою точку зрения, чего, конечно, она и не могла сделать в той небольшой статье в «Коммунистическом Просвещении», на основании которой мы судим об ее взглядах. Поэтому было бы чрезвычайно желательно, чтобы тов. Эльская, как первая, выступившая с вопросом о марксистском понимании экономической географии, более подробно и обстоятельно изложила свои воззрения.

ГЛАВА IV.

ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.

Мы рассмотрели всех авторов, писавших по методологии экономической географии, и разбили все взгляды на две группы или направления: географическое и экономическое. Как мы показали, географическое направление, т.-е. понимание экономической географии как географической дисциплины, является неправильным. Отсюда, единственно плодотворным подходом к экономической географии будет понимание ее как экономической науки. Мы только-что рассмотрели авторов экономического направления. Однако, и они, несмотря на ряд ценных взглядов, которыми следует воспользоваться, не вполне могут нас удовлетворить.

Прежде всего, многие авторы (но не все) не могут окончательно порвать с географией. Несмотря на формальное признание экономической географии экономической наукой, многие так или иначе связывают ее еще и с географией и, главное, применяют некоторые чисто географические подходы. Отсутствие определенной четкости в этом вопросе и недостаточное оформление чисто-экономического понимания науки ведет ко второму недостатку, который мы находим у всех авторов экономического направления. Это — отсутствие должного подхода при определении содержания экономической географии. Если автор указывает, что наша наука есть наука экономическая, т.-е. об общественных отношениях людей в сфере их хозяйственной деятельности, то, следовательно, экономическую географию и нужно трактовать как науку о хозяйственных отношениях. Между тем такой подход совершенно отсутствует. Наконец, как следствие первых двух, мы находим и третий недостаток. Это — невыдержанность построения.

что при недостаточной четкости понимания науки и при неправильном подходе при определении ее содержания — является неизбежным. Результатом этих трех недостатков является непрочность методологических построений авторов экономического направления. Это находит свое выражение в том уже отмеченном нами факте, что у авторов учебников методологические построения имеют чисто декларативный характер, ибо их фактическое изложение предмета не соответствует высказываемым методологическим взглядам.

Все эти недостатки для методологии науки являются очень существенными изъянами. Лишь восполнив их, мы сможем осуществить правильное понимание экономической географии в его чистой форме. Поэтому, воспользовавшись опытом других авторов и учтя их правильные положения, попытаемся сделать построение экономической географии в нашем понимании. Однако, прежде чем сформулировать наше понимание экономической географии, необходимо точно отметить те отправные точки, исходя из которых мы строим наше понимание. Мы здесь не имеем в виду сказать что-либо новое. В процессе рассмотрения отдельных авторов, мы высказали все свои основные взгляды. Здесь нам остается лишь несколько развить и привести их в известную систему.

Экономическая география — чисто экономическая наука.

Во главу угла мы делаем отрицание возможности для экономической географии быть составным элементом одновременно в двух разных системах наук (наук географических и наук экономических). Мы считаем, что наша наука есть наука не только экономическая, но и чисто-экономическая. Иными словами, мы настаиваем на полном отрыве от географии, в смысле полного изгнания географических подходов. Это вовсе не значит, что мы изгоняем географические элементы из нашей науки. Ниже мы увидим, что

экономическая география занимается изучением именно пространственного расположения хозяйственных явлений под особым углом зрения. Иначе говоря, мы отмечаем известный хронологический характер нашей науки. Наконец, нам придется широко пользоваться данными географии. Настаивая на чисто-экономическом понимании экономической географии, мы вовсе не впадаем в противоречие с только-что сказанным. Далеко не всякое пространственное изучение явлений является географией. Такое представление о географии будет обывательским, вульгарным, но не научным.

Если экономическая география есть наука экономическая, и если экономические науки изучают общественные отношения людей в сфере их хозяйственной деятельности, то, следовательно, этим же занимается и экономическая география. Как мы только-что указали, авторы экономического направления такой постановки вопроса не делали. Между тем это очень важно. Если даже считать, что экономическая наука едина, то экономических учебных предметов — много. Все эти учебные дисциплины изучают хозяйственные отношения людей. Поэтому, чтобы определить содержание экономической географии и отграничить ее от смежных с нею дисциплин, необходимо отчетливо указать, какие именно хозяйственные отношения или в какой плоскости эти отношения изучаются экономической географией. Ответ на этот вопрос мы дадим ниже, сейчас же мы устанавливаем наш первый исходный пункт. Экономическая география, будучи экономической наукой, занимается изучением общественных отношений людей в сфере их хозяйственной деятельности.

Экономическая география и мировое хозяйство. Если экономическая география изучает хозяйственные отношения людей, то при построении методологии этой науки нельзя пройти мимо характерной особенности

современных хозяйственных отношений. Это — широта хозяйственных связей. Подходя к этой широте с чисто-географической меркой, мы обнаруживаем, что эти связи достигли максимального географического масштаба, т. е. охватили всю нашу планету. Иными словами, мы подходим к понятию мирового хозяйства. Для С. В. Бернштейн-Когана, как мы видели выше, это понятие весьма «сомнительно». Мы же считаем, что после трудов В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и других марксистских авторов всякие сомнения на этот счет должны рассеяться. Впрочем и буржуазные ученые не отрицают наличия мирового хозяйства, только представляют его совершенно не таким, каким оно есть в действительности. Для экономической географии понятие мирового хозяйства является чрезвычайно важным, как характеризующее современные хозяйственные отношения с точки зрения их географического масштаба. При чем мы рассматриваем это не только как факт сегодняшнего дня (статика), но и как продолжающийся и развивающийся процесс (динамика). — «Рост международных экономических связей и, следовательно, рост системы производственных отношений в ее мировом масштабе — может быть двоякого рода: международные связи могут расти в ширину, захватывая области, еще не захваченные в водоворот капиталистической жизни, — тогда мы будем иметь экстенсивный рост мирового хозяйства; или же эти связи растут в глубину, становятся более густыми, уплотняются, — тогда мы имеем интенсивный рост мирового хозяйства. Конкретно и исторически рост мирового хозяйства идет одновременно по этим двум направлениям, при чем экстенсивный рост его реализуется, главным образом, путем захватной колониальной политики великих держав». ¹ Таким образом и процесс развития мирового хозяйства

¹ Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм». 3 изд. «Прибой», 1923 г., стр. 11.

имеет двойкий характер. Эта цитата говорит, что развитие хозяйственных отношений в мировом масштабе ведет, с одной стороны, к установлению отношений с новыми географическими частями земного шара, а с другой — к усложнению этих отношений между старыми. Иными словами, мировое хозяйство дает хозяйственным отношениям определенные географические очертания. Вот почему экономическая география исходит из мирового хозяйства как реального явления современной хозяйственной жизни.

Признавая за основу мировое хозяйство, мы, конечно, понимаем его не так, как это делают буржуазные ученые. Мировое хозяйство для нас не есть «сумма народных хозяйств», ¹ или «результат экономических взаимоотношений отдельных национальных хозяйств» ² или хозяйство мирового рынка, или еще что-нибудь подобное. Мировое хозяйство мы понимаем как «реально существующее единство», ³ как единый производственный организм. ⁴

Но в чем же выражается это единство, эта органичность мирового хозяйства? Это выражается в экономической взаимозависимости отдельных частей земного шара друг от друга. Эта взаимозависимость заключается в том, что хозяйственная жизнь отдельных частей земного шара не может протекать изолированно, и все части в своей хозяйственной деятельности связаны друг с другом. Вне этой связи хозяйственная жизнь почти невозможна так же, как не может самостоятельно жить одна часть организма или

¹ Карл Тышма, «Мировозастенная проблема современных индустриальных государств». Изд. «Экон. Жизнь», М., 1924 г.

² Н. П. Огановский. См. выше.

³ Н. Бухарин, «Экономика переходного периода». Стр. 8.

⁴ Иосиф Ильянов, «Соединенные Штаты и Европа в мировом хозяйстве». Изд. Социалистич. Академии, М., 1924 г.

не может работать одно колесо машины. Последнее десятилетие особенно богато событиями, показавшими ту глубокую органическую связь, которая сплавляет все «национальные» хозяйства в одно органическое целое. Сообразно интенсивной стороне развития мирового хозяйства, отмеченной выше, эта спаянность делается вместе с тем все более и более интенсивной. «Экономическая взаимозависимость между всеми частями мира — это совершившийся факт или, скорее, процесс, становящийся с каждым днем все напряженнее».¹

Что же лежит в основе этой экономической взаимозависимости между отдельными частями земного шара?

В основе этого явления лежит так называемое международное разделение труда. На этом разделении труда в мировом масштабе и основано органическое единство мирового хозяйства.

Указанная взаимозависимость между отдельными частями земного шара и географическое разделение труда в мировом масштабе проявляются и получили свое внешнее выражение в мировой торговле. Те грандиозные размеры, которые приняла в наши дни эта торговля, есть не что иное как результат общественного географического разделения труда во всемирном масштабе. «Не существует обмена без разделения труда, будь последний результатом естественных или исторических условий», говорит Маркс в своем знаменитом *Einleitung*.²

К вопросам мирового хозяйства можно подходить с разных точек зрения, сохраняя при этом одно и то же понимание его. С точки зрения политической экономии, «в общем и целом весь процесс мировой экономической жизни современности сводится к производству прибавочной ценности и ее распределению между отдельными группами и под-

¹ Дж. Хоррабин, «Сфера историко-экономической географии мира». Издание «Красная Новь». М., 1924 г., стр. 38.

² «Основные проблемы политической экономии». Под редакцией Ш. Двоайского и И. Рубина. Госиздат. М., 1922 г., стр. 23.

группами буржуазии, на основе постоянного расширения воспроизводства отношений между двумя классами: мировым пролетариатом, с одной стороны, и мировой буржуазией, с другой».³ Такова одна сторона мирового хозяйства. Эта сторона очень существенна для современной нам эпохи. Но с исчезновением капитализма эта сторона отойдет в область истории.

Иначе обстоит дело с другой стороной мирового хозяйства. Международное разделение труда хотя и есть следствие капиталистического строя, но оно переживает его так же, как переживает его и машинная техника и прочие достижения капиталистической эпохи. Разделение труда в мировом масштабе имеет географический характер, это есть высшая стадия экстенсивного развития географического разделения труда. Экономическая география подходит к мировому хозяйству именно с этой точки зрения. Таким образом, когда мы говорим, что экономическая география исходит из мирового хозяйства, то это значит, что экономическая география исходит из географического разделения труда в мировом масштабе.

Это географическое разделение труда **Производительные силы.** есть явление очень старое; промышленный капитализм нашел его в довольно развитом виде. Уже на самой заре денатурализации хозяйства, с частичным переходом на производство товаров и с появлением обмена началась постепенная специализация сначала отдельных хозяйств, а потом целых местностей на производстве определенных товаров.

Это разделение труда неизбежно приняло характер географического разделения труда. При слабом развитии производительных сил и при незначительности «общества» (подразумеваемая под этим совокупность обменивавшихся

³ Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 10.
О. А. Коленсаткина.

хозяйств) географический масштаб этого разделения труда был очень мал. С ростом производительных сил стало усиливаться и географическое разделение труда. Последнее развивалось по двум направлениям: экстенсивно и интенсивно. Усовершенствование в области путей сообщения и транспортных средств и связанные с этим географические открытия вовлекали в мировой торговый оборот все новые и новые народы. Хотя первоначально разделение труда приняло довольно оригинальный характер: одни «народы» самым форменным образом грабили другие, но затем начался более или менее упорядоченный обмен, причем белые цивилизаторы должны были вместо бус, зеркала и прочего давать блага большей потребительской ценности. Так как теперь почти что нет таких мест на земном шаре, которые так или иначе не были бы вовлечены в мировой оборот, то этот процесс — процесс экстенсивного развития географического разделения труда — близок к концу. С тем большей силой действует процесс интенсификации. Последний заключается в том, что отдельные местности начинают проводить более резкую специализацию. Каждая местность еще более хозяйственно дифференцируется, так что начинается специализация и отдельных частей этой местности. Поэтому чем больше совершенствуются орудия производства, чем больше совершенствуются способы воздействия человека на природу, и чем больше возможности использования этой природы, тем напряженнее развивается процесс разделения труда.

Предпосылками географического разделения труда являются предпосылки естественные и социальные. Первые вытекают из разнородности естественной среды, вторые — из различной степени развития производительных сил, равной экономической структуры и неодинакового культурного уровня.¹

¹ Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 4.

Между разнообразием естественной среды и развитием производительных сил имеется прямая зависимость... «чем разнообразнее свойства географической среды, тем она благоприятнее для развития производительных сил».¹ Но если свойства географической среды вызывают развитие производительных сил, то это последнее вызывает увеличение человеческого знания о свойствах природы, большее умение их использовать и влечет увеличение хозяйственной дифференциации в обоих направлениях. Таким образом развитие географического разделения труда и развитие производительных сил есть один и тот же процесс, но воспринимаемый с разных точек зрения. Географическое разделение труда дает возможность с большей полнотой использовать природные возможности в каждой местности, т. е. влечет развитие в ней производительных сил. Рост этих сил влечет усиление географического разделения труда. Если производительные силы, как правильно полагает М. Эльская, должны быть предметом экономической географии, то их следует связывать с вопросом географического разделения труда. Географическое разделение труда есть одно из условий развития производительных сил в мировом масштабе (и наоборот).

Мы выше говорили о географическом разделении труда в мировом масштабе, но нужно также отметить и разделение труда внутри отдельных элементов мирового хозяйства. Если за составную часть мирового хозяйства при-

¹ Г. В. Плеханов, «Основные вопросы марксизма», Раздел VI. Маркс говорит: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцирование, разнообразие ее естественных произведений составляет естественную основу общественного разделения труда и заставляет человека, в силу разнообразия окружающих его естественных условий, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства». Капитал т. I. (Курсив наш. О. К.)

нять страну, то и внутри каждого народного хозяйства мы находим также развитое разделение труда, возникшее значительно раньше, чем разделение труда в мировом масштабе, при чем это разделение труда находится не в застывшем состоянии, а в процессе постоянного развития, главным образом, в сторону интенсификации. Лишь в СССР и заокеанских странах, где имеются необжитые пространства, может идти речь об экстенсивном развитии географического разделения труда. Но разделение труда внутри географически небольшой территории происходит под сильным давлением географического разделения внутри территории более крупного масштаба. Поэтому на разделение труда внутри отдельных национальных хозяйств влияет мировое разделение труда. На разделение труда внутри отдельных районов влияет разделение труда национальное и мировое. Таким образом каждый элемент в системе мирового географического разделения труда находится в весьма сложных переплетающихся отношениях с другими элементами и со всем целым. С точки зрения экономической географии приходится исходить из мирового разделения труда, но говорить нужно о географическом разделении труда вообще (т.е. в самых разнообразных территориальных масштабах, а не только в мировом).

Но что же такое есть географическое разделение труда? Изучая общественное разделение труда под географическим углом зрения, мы находим, что в подавляющем числе случаев общественное разделение труда носит географический характер. Это вовсе не значит, что географическое разделение труда и общественное разделение труда — понятия тождественные. Географическое разделение труда есть выражение географического характера общественного разделения труда. В современном обществе общественное разделение труда принимает форму обмена товаров. Однако, это не значит, что мы имеем дело с отношением вещей (товаров) или с отношением территорий, где эти товары произ-

ведены. За обменом (отношением вещей) марксист видит всегда отношения людей. Географическое разделение труда, будучи лишь выражением географического характера общественного разделения труда, также, следовательно, принимает форму обмена товаров, т.е. также в сущности есть отношение людей. Географическое разделение труда есть не что иное как отношения людей, населяющих разные географические пространства и связанных между собой обменом. Эта связь, спаивая их в единую хозяйственную организацию, ведет к хозяйственной специализации отдельных территорий, к специализации производства. Географическое разделение труда есть отношение людей, занятых прежде всего в разных производствах, т.е. есть производственное отношение. Выше мы поставили вопрос: какие именно хозяйственные отношения, или в какой плоскости эти отношения изучает экономическая география? Теперь мы можем ответить на этот вопрос: общественное географическое разделение труда и есть та сфера хозяйственных отношений, которую изучает экономическая география.¹ Эта сторона общественных отношений людей в сфере их хозяйственной деятельности не изучается никакими другими экономическими науками. Это и есть законная сфера экономической географии, как экономической дисциплины.

Итак, если мировое хозяйство есть органическое единство, если географическое разделение труда принимает миро-

¹ Так как общественное разделение труда имеет географический характер, а географическое разделение труда есть общественное разделение труда, то с этой точки зрения правильно говорить, что экономическая география изучает не просто географическое разделение труда, а общественное географическое разделение труда. Вот почему в настоящей работе повсюду употребляется такой термин.

вой масштаб, то хозяйство каждой частицы земного шара можно рассматривать, лишь исходя из целого. Мы не сможем постигнуть хозяйственную жизнь страны, не уяснив себе ее положения в мировом хозяйстве, т. е. не указав ее участия в мировом географическом разделении труда. Это с одной стороны. С другой, каждое народное хозяйство входит в мировое не только в целом, но и отдельными своими элементами. Эти элементы играют неодинаковую роль в мировом хозяйстве и, кроме того, между этими элементами происходит разделение труда не только в масштабе мировом, но и в масштабе национальном, т. е. хозяйство страны может быть достигнуто лишь при выяснении географического разделения труда внутри ее и внутри ее отдельных элементов. Иными словами, хозяйство любой территории может быть изучено лишь с точки зрения географического разделения труда. Этим самым мы всецело признаем «районную» точку зрения, но приходим к ней совершенно другим путем, чем авторы географического направления.

Как вывод, из всего вышесказанного вытекает, что экономическая география не может остаться чисто описательной наукой. Экономическая география не просто описывает состояние хозяйства в той или иной местности, но она связывает это с географическим разделением труда, и здесь мы уже находим элементы «истолковательского», «объяснительного» характера, которые и выводят нашу науку на путь всевозможных обобщений. Иными словами, в нашем построении экономическая география становится наукой с развитыми «моногографическими» элементами.

Определение экономической географии. Таковы отправные точки нашего понимания сущности экономической географии. Эти исходные пункты являются вернее теми основными моментами, которые показывают

ход развития нашего построения. В результате всего вышесказанного, мы приходим к следующей формулировке предмета нашей науки:

Экономическая география изучает хозяйственную деятельность населения той или иной территории с точки зрения общественного географического разделения труда, а также и естественных и социальных предпосылок этого разделения.

В отношении настоящего определения нужно сделать две оговорки. Во-первых, как и всякое определение, оно далеко не вполне отражает всю ширину и глубину нашего понимания сущности экономической географии. Во-вторых, этим определением мы не думаем сказать что-либо совершенно новое. Мысли, изложенные здесь, высказаны задолго до нас. Мы лишь привели эти мысли в нужную для нас систему, и наше понимание экономической географии есть не только результат определенного (марксистского) подхода к этому вопросу, но и результат систематизации некоторых чужих взглядов, которые для нас приемлемы.

Нам осталось лишь несколько развить наше определение и сделать некоторые дополнения. Прежде всего возникает вопрос, каковы могут или должны быть размеры той территории, хозяйственная деятельность населения которой изучается экономической географией? Мы считаем, что здесь допустимы лишь две возможности. В одном случае изучение охватывает весь земной шар, т. е. мировое хозяйство, в другом — изучается какая-либо составная часть мирового хозяйства. Как мы указывали выше (см. стр. 63 — 64), мы считаем, что размеры этой части не имеют значения. Район, группа районов, государство, группа государств — все это безразлично. Правда, каждая из этих частей пред-

ставляет из себя элемент мирового хозяйства не однородной величины, не одинакового значения и, главное, равной степени сложности. Но все они являются частями мирового хозяйства и только под таким углом зрения и могут изучаться. Таким образом, можно изучать или хозяйственную деятельность всего человечества, или некоторой его части. Равница в объектах ведет и к некоторому различию в методах изучения. В одном случае, при изучении целого, мы изучаем его самого по себе, наоборот, часть мы изучаем не самое по себе, а исходя из целого. Вышеизложенное, а также великое многообразие объектов изучения ведет неизбежно нашу науку к делению на общую часть и специальную. Общая экономическая география изучает мировое хозяйство с точки зрения географического разделения труда. Специальная экономическая география с той же точки зрения изучает какую-либо часть мирового хозяйства.

**Форма
и содержание.**

Некоторые авторы (например, В. Э. Ден, М. Эльская и др.) считают нужным подчеркнуть, что экономическая география изучает хозяйственную деятельность населения не только с точки зрения ее содержания, но и тех форм, в которые она выливается. Ни в нашем определении, ни даже в исходных пунктах мы этого не касались. Не касались потому, что считаем, что разделение формы и содержания, противопоставление содержанию формы является неправильным. Если такой способ методологически вполне мыслим при абстрактном изучении хозяйственных явлений, то конкретное изучение такой метод совершенно исключает. В конкретных явлениях форма и содержание неразрывно связаны друг с другом и противопоставление их мыслимо лишь при абстрагировании от конкретных фактов к обобщениям.

Сможем ли мы, изучая, например, промышленность западной Германии, говорить только о содержании и обойти молчанием те технические и организационные формы, которые там имеются? Это впрочем еще можно было бы осуществить, если бы мы занимались чистым описанием, не стремясь установить связь между разными хозяйственными явлениями. Но поскольку мы этим не ограничиваемся, постольку «что» и «как» в экономической географии являются совершенно не отделенными. Исследования новейших авторов лучше всего показывают, что форма и содержание неразрывно связаны и не могут рассматриваться отдельно.¹ Кустарная и ремесленная промышленность есть определенная форма. Но попробуйте рассмотреть эту форму самое по себе, оставляя в стороне конкретное наполнение этих форм! И здесь мы наблюдаем, что формы мелкой промышленности и ее содержание лишь две стороны одного хозяйственного явления, раздельное изучение которых совершенно невозможно. Эта неразрывная спаянность формы и содержания выступает, между прочим, и в исследованиях такого авторитетного ученого, как проф. А. А. Рыбинков.²

Таким образом, в нашем понимании экономической географии нет места для противопоставления формы и содержания. Экономическая география не изучает содержание хозяйственной деятельности и формы ее, как абстрактные понятия. Она имеет дело всегда с конкретными явлениями. А в конкретных явлениях форма и содержание неотделимы. Вне формы нет содержания, без содержания — нет формы. Таким образом в нашем построении экономиче-

¹ М. Иовальсон. «Крупно-капиталистические объединения в современной мировом хозяйстве». «Красная Новь», М., 1924 г. П. Уферман и К. Хюглин. «Современный концерн. — Всеобщая компания электричества». «Кинга» 1924 г. Они же. «Стальное и его концерны». Изд. «Эк. Жизнь» 1924 г., и др.

² «Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства». «Кооперат. Изв.», М., 1922 г.

ская география изучает хозяйственную деятельность под углом зрения неразрывности формы и содержания.

Было бы неправильно понимать настоящей очерк как законченное построение методологии экономической географии. Мы считаем это лишь эскизом, и притом не охватывающим многих очень существенных методологических вопросов.

1. К числу таких мы относим, например, вопрос о месте естественных и социальных предпосылок в методологии нашей науки. Если хозяйство каждой местности зависит от географического разделения труда, а последнее обусловлено определенными предпосылками, то дело в конце концов сводится к особым факторам, природным и социальным, определяющим хозяйственную жизнь каждого места. Относительно природных предпосылок имеется довольно разработанное учение проф. С. В. Бернштейн-Когана о зональных и азональных факторах. Однако это учение в своем чистом виде для марксистской экономической географии совершенно не пригодно. Это — во-первых. Во-вторых, вопросами, затронутыми С. В. Бернштейн-Коганом, далеко не исчерпывается все учение о природных факторах. В области социальных факторов почти ничего не сделано, а часто они и вовсе игнорируются. Между тем им принадлежит первостепенное значение. Таким образом, одной из главных задач методологии экономической географии является разработка вопроса о природных и социальных предпосылках географического разделения труда.

2. Другим существенным вопросом является учение о народонаселении. Человек как субъект хозяйственных отношений; человек как переменная величина во взаимоотношениях между ним и природой, наконец, связь между ростом производительных сил и ростом населения — все

эти вопросы или освещаются в экономической географии очень слабо или, большей частью, неправильно. Причиной этому является то, что вопрос о человеке еще нуждается в обстоятельной проработке в методологическом построении нашей науки.

3. Не менее важен также и вопрос, поднятый А. В. Чаяновым. Установить характер номографических элементов, то направление, в котором они должны развиваться, их соотношение с элементами идиографическими и т. д. — вот еще очень большая область, которая нуждается в основательной проработке.

4. Так как вне естественных и социальных предпосылок не может быть достигнута хозяйственная жизнь, то это вынуждает экономическую географию вступить во взаимоотношения со значительным кругом равнообразных наук, привлекая и используя готовые данные этих наук. Это будут, во-первых, науки естественные (в широком смысле слова) и, во-вторых, науки общественные. Относительно последних нужно сказать, что для экономической географии особенно важно точно установить свои взаимоотношения с науками экономическими. Вполне понятно, что как экономическая дисциплина экономическая география не может обойтись без того, чтобы точно не разграничиться с другими родственными дисциплинами и не отметить точки соприкосновения.¹ Таким образом взаимоотношения экономической географии с другими науками, в особенности экономическими — вот еще очень важный вопрос методологии экономической географии.

¹ Опыт установления взаимоотношений между экономической географией и статистикой предпринят проф. В. Г. Бажалевичем (см. его брошюру «К вопросу о соотношении между экономической статистикой и экономической географией». Киев, 1914 г.). Однако высказываемые им соображения не представляют при современном состоянии нашей науки очень большого интереса. Поэтому в целях краткости наложение мы в настоящей работе и не останавливаемся на разборе его взглядов.

5. Особенно большим изъяном в методологии нашей науки является неразработанность методов экономико-географических исследований. Без точно установленных методов экономическая география не может быть оформлена как наука, почему на этот вопрос также должно быть обращено усиленное внимание.

Указанные проблемы далеко не исчерпывают всех вопросов методологии экономической географии, но являются, по нашему мнению, наиболее существенными. Конечно, более разработанная методология нашей науки потребует также и более глубокого, тщательного и систематического рассмотрения всех тех вопросов, которых мы коснулись в настоящем очерке. Только при равностороннем и исчерпывающем обосновании методологической части экономической географии станет формально законченной и вполне научной дисциплиной.

ГЛАВА V.

МЕТОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.

Из всего предыдущего изложения было видно, что хотя предмет экономической географии разработан очень слабо, но все-таки по этому вопросу писал целый ряд авторов и даже образовалось несколько школ, течений и направлений. Иную картину мы видим в отношении метода экономической географии. Этот вопрос совсем неразработан, и эта тема до сих пор никем не затрагивалась. Собственно говоря, для сторонников географического направления вопрос о методе экономической географии не может даже возникнуть. Ведь они трактуют экономическую географию как составную часть, как необходимый элемент общей географии. А если так, то для экономической географии применимы и приемлемы все те методы

исследования, которые практикуются географией вообще. Так как мы отвергаем географическое направление и считаем его ошибочным, то подобное разрешение вопроса о методе экономической географии для нас невозможно. Авторы экономического направления благополучно обходили вопрос о методе экономической географии, несмотря на то, что без оформленного метода экономическая география не может претендовать на звание научной дисциплины. Выше мы приводили слова Н. П. Огановского о статистической индукции и слова Г. Г. Швиттау об анализе и синтезе в экономической географии. В этих общих фразах, разумеется, не может заключаться смысл тех методов исследования, которые свойственны экономической географии. Тем более, что нас интересуют не те логические приемы мышления, не характер тех умозаключений, которые употребляются в экономико-географических исследованиях, а самый процесс этих исследований в целом. Нам важно выяснить, с чего начинается изучение той или иной территории в экономико-географическом отношении, из каких предпосылок мы исходим, в какой последовательности развиваем свой анализ, каковы этапы нашего исследования и т. д. и т. д.

При определении предмета экономической географии мы имели возможность воспользоваться теми разнообразными взглядами и многочисленными мыслями, которые были высказаны до нас другими представителями этой науки. Таким образом, устанавливая свое собственное понимание предмета экономической географии, мы опирались на широкую базу в лице других авторов. В ином положении оказываемся мы, приступая к определению метода экономической географии. Ведь по этому вопросу мы не имеем предшественников, и, таким образом, мы не можем учесть чужой опыт. Но здесь на помощь нам приходит обстоятельство, что предмет и метод науки тесно связаны друг с другом. Мы уже видели, что при гео-

графическом понимании экономической географии применяются те методы, которые разработаны для всей географической науки вообще. Так как предмет экономической географии в нашем понимании разработан нами довольно подробно, то на основании этого и исходя из этого, мы легко можем вывести из метод, который свойственен экономико-географическим исследованиям.

Общая схема экономико-географических исследований.

Выше мы уже указывали, что с нашей точки зрения является совершенно безразличным, каков масштаб той территории, которая подвергается экономико-географическому исследованию. Так как хозяйство каждой территории должно, по нашему мнению, изучаться с точки зрения общественного географического разделения труда, то масштаб исследуемой территории будет влиять на ход нашей работы лишь в том смысле, что мы будем обращать большее внимание на хозяйственные связи такой широты, которые являются наиболее существенными для исследуемой территории. Так, изучая какую-либо страну, имеющую большое значение в мировом хозяйстве (например, Англию), мы должны больше обращать внимания на участие Англии в международном разделении труда, чем на разделение труда внутри самой Англии. Наоборот, изучая часть какой-нибудь страны (например, один из районов СССР), мы в первую очередь вскрываем связь этого района с другими районами и участие его в разделении труда внутри данной страны, а затем — хозяйственную дифференциацию внутри данного района. Очевидно, что размеры изучаемой территории не могут повлиять на метод нашего исследования. Во всех странах мы изучаем хозяйство с точки зрения общественного географического разделения труда и для объяснения хозяйственных явлений исследуем в первую очередь хозяйственные связи более широкого масштаба, ибо именно эти связи и влияют решающим образом на хозяйственный

строй данной территории и на ее внутреннее разделение труда. Классический пример тому дает Англия, где перестройка сельского хозяйства и хозяйственная дифференциация страны произошли под влиянием расширившихся связей Англии, чему способствовало развитие парового транспорта. Впрочем, при внимательном изучении любой страны можно вполне отчетливо проследить, как мирохозяйственные связи отражаются на ее хозяйстве. Массу интересных примеров дает, между прочим, и довоенная Россия.

Допустим, мы исследуем в экономико-географическом отношении какую-нибудь страну (государство). Так как мы стремимся не просто описать хозяйство страны, а объяснить его, понять те конкретные формы и то конкретное содержание, которое оно имеет, то нам необходимо прежде всего выяснить ту природную обстановку, те географические условия, в которых протекает хозяйственная деятельность населения исследуемой территории. Однако, мы знаем, что природа создает лишь одни возможности, использование которых зависит от уровня развития хозяйствующего общества. Поэтому решающее значение в хозяйственной жизни имеют условия не природные, а социальные. Только определив уровень развития производительных сил, мы сможем постигнуть хозяйственную жизнь страны как в ее целом, так и по отдельным ее отраслям и районам. Таким образом, после выяснения природных условий, мы исследуем всю совокупность условий социальных. Установив предпосылки хозяйственной деятельности, мы переходим к изучению хозяйственной структуры страны. Это сводится к следующим трем элементам. Во-первых — положению страны в мировом хозяйстве, во-вторых — соотношению между отдельными отраслями народного хозяйства и хозяйственно-географической дифференциации страны и, в-третьих — возможному темпу дальнейшего развития народного хозяйства. Таким образом мы устанавливаем участие данной страны в международном раз-

делении труда, а затем рассматриваем разделение труда внутри самой страны. Лишь выяснив отраслевую и районную дифференциацию страны, мы можем приступить к изучению отдельных отраслей народного хозяйства, а затем и к изучению отдельных экономических районов страны. Такова, в общих чертах, та схема экономико-географического исследования, которая вытекает из установленного выше понимания предмета экономической географии.¹ Теперь переходим к рассмотрению и более подробному расшифрованию отдельных элементов, из которых складывается указанная схема.

Природные условия.

Критикуя авторов географического направления и развивая наше определение предмета экономической географии, мы установили в общих чертах наше понимание природных условий. Поэтому здесь мы остановимся лишь на немногих моментах.

Как известно, вопрос о природных условиях хозяйственной деятельности наиболее подробно (в экономико-географической литературе) разработан проф. С. В. Бернштейн-Коганом в его теории зональных и азональных факторов. После всего вышесказанного нам нет необходимости доказывать, что эта теория в ее чистом виде является для нас абсолютно неприемлемой. Проф. Бернштейн-Коган считает возможным устанавливать непосредственную зависимость между природными условиями и хозяйственной жизнью. Им устанавливается прямая связь между плотностью населения, с одной стороны, и густотой осадков или наличием ископаемых, с другой, минуя всю совокупность социальных условий и, в первую очередь, средства и ору-

¹ Указанная схема относится к методу научных исследований в области экономической географии, но не к ее преподаванию. При построении схемы учебного плана трудно начинать с методологии экономической географии и мирового хозяйства и лишь затем переходить к СССР.

дия производства. Такой подход не является случайным, ибо проф. Бернштейн-Коган говорит далее о «влиянии природной обстановки на... психику человека... В психике сказывается вполне определенно влияние физико-географических поясов».² Таким образом мы здесь имеем чисто идеалистическое понимание влияния природы на человека. Как об этом трантует марксизм, говорилось на предыдущих страницах, куда мы и отсылаем наших читателей.³

Говоря о значении природных условий в хозяйственной жизни, мы должны все время иметь в виду, что влияние природы на хозяйственную жизнь не является чем-либо постоянным. Во взаимоотношениях природы и человеческого общества переменной величиной является именно человеческое общество, и самая степень и характер влияния природы зависит от того уровня развития, в котором человеческое общество находится. Решающее значение здесь имеют те средства и орудия производства, которые имеются в распоряжении общества. Таким образом, природа влияет на хозяйство не прямо, а косвенно, и социальные условия имеют преимущественное значение перед условиями природными. Из всех существующих на русском языке книг по экономической географии, эта точка зрения проводится только Дж. Ф. Хоррабином в его известном «Очерке историко-экономической географии мира».

Мы не будем останавливаться более на вопросе об идеалистическом и материалистическом понимании влияния природных условий. Выбора для нас здесь не может быть, и наша точка зрения ясна. Блестящая теоретическая разработка этого вопроса в марксистской философии дает нам прочный идеологический базис для наших построений. Но чтобы покончить с природными условиями,

² «Очерки экономической географии», стр. 33.

³ См. стр. 35—39.

мы считаем необходимым разобраться еще в одном вопросе.

Исследуя природную обстановку, в которой протекает хозяйственная деятельность данного общества, нельзя подходить к отдельным элементам природы так, как это делается в географической науке. С географической точки зрения нас интересуют природные богатства в их абсолютных размерах, и чем больше мы имеем тех или иных благ, тем природная обстановка считается более благоприятной. В экономической географии такой, чисто-количественный, подход, с нашей точки зрения, совершенно неприемлем. Мы здесь выдвигаем противоположный, так сказать качественный, подход, который заключается в следующем. Экономическая география, как мы уже неоднократно указывали, изучает хозяйство с точки зрения общественного географического разделения труда. Последнее есть необходимое условие хозяйственного прогресса и роста производительных сил. Но здесь необходимо вспомнить, что говорилось в предыдущих главах. Ведь в основе общественного разделения труда и развития производительных сил лежит равнообразие природных условий. Маркс говорит: «Различные человеческие общества находят в окружающей их природе различные средства производства и существования. Отсюда — различия в их способах производства, образе жизни и продуктах. Эти-то естественные, стихийные различия и вынуждают, при соприкосновении различных общественных единиц между собою, взаимный обмен продуктов и, вследствие этого, превращение продуктов в товары. Обмен не создает различия сфер производства, но только приводит эти различные сферы во взаимные отношения и, таким образом, превращает их в более или менее зависимые одна от другой отрасли совокупного общественного производства... «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцирование, равнообразие ее естественных произведений соста-

вляет естественную основу общественного разделения труда». ¹ Таким образом, чем равнообразнее природа, тем (при прочих равных условиях) больше общественное разделение труда. Но в то же время «чем равнообразнее свойства географической среды, тем она благоприятнее для развития производительных сил». ²

Весьма убедительно поясняет это Плеханов в первом томе его «Истории русской общественной мысли».

«Представим себе, что данная клеточка разделилась, как это нередко происходит, на две клеточки-дочери, эти последние разделились на четыре клеточки-внучки, клеточки-внучки породили каждая по две правнучки и т. д. и т. д. Число клеточек растет в геометрической прогрессии, при чем ни одна из них не ведет совершенно самостоятельного от других существования. Что у нас получается? Получается известная совокупность клеточек, живая ткань, но не сколько-нибудь сложный организм. Чтобы получился такой организм, процесс размножения клеточек должен был бы сопровождаться процессом их дифференциации: без дифференциации нет развития в природе.

Теперь предположим, что мы имеем дело с общиной земледельцев, находящейся в равнине, со всех сторон открытой и ненаселенной местности. Когда наша община почувствует «земельную тесноту», вследствие возрастания числа ее членов, тогда часть ее покинет свою деревню и образует новый поселок. Когда он увеличится настолько, что ему уже недостаточно будет окружающей его земли при старых приемах сельского хозяйства, он тоже выселит «на новые места» часть своих жителей. «На новых местах» повторится та же история и т. д. и т. д. Пока не истощится запас «порожних земель», каждая деревня будет прибегать

¹ Капитал, т. I.

² Плеханов. «Основные вопросы марксизма».

к выселению всякий раз, когда число ее членов достигнет известного предела. Что же получится? Получится много деревень, обрабатывающих землю с помощью старых приемов. Заселенная таким образом местность окажется, может быть, довольно замкнутой, но уровень ее экономического развития будет все-таки очень низок. Однообразие естественных условий и связанное с ним однообразие занятий замедляет повышение этого уровня».

И далее в отношении России автор прямо говорит: «Однообразие естественных условий, характеризующее собою восточную европейскую равнину, было неблагоприятно прежде всего для успехов ее населения в области экономического развития».

Таким образом в экономической географии нас должно интересовать в первую очередь разнообразие природных условий, дифференцированность географической среды и лишь во вторую очередь абсолютные размеры природных благ и их общее количество. К сожалению, все существующие учебники экономической географии чужды этого подхода и транжуют о природных условиях с чисто географической (количественной) точки зрения. Некоторый намек на такой подход мы находим в «Учебнике экономической географии СССР» Л. Д. Синицкого, но это является именно лишь одним намеком.

В виду того что, изучая географическую среду, мы прежде всего выясняем те условия, которые представляются природой для общественного разделения труда, необходимо помимо разнообразия природной обстановки обратить особое внимание и на те условия, которые даются природой для хозяйственных сношений людей. Необходимым элементом общественного разделения труда является обмен. Поэтому благоприятные условия для сношений, содействуя обмену, оказывают существенное влияние на общественное разделение труда. Вот почему близость к незамерзающему морю, наличие густой сети

рек и их благоприятные судоходные качества, равнинность местности, облегчающая проведение искусственных путей сообщения и пр. — все эти моменты должны в экономической географии учитываться не меньше, чем само разнообразие природных условий. Ведь удобные пути сообщения, связывая данную страну с другими странами, способствуют расширению хозяйственных связей и усиливают общественное разделение труда. Путем вовлечения в это разделение труда новых стран охватываются новые территории, т. е. усиливается разнообразие географической среды. А это, как мы знаем, способствует развитию производительных сил. Реакмируя все вышеизложенное относительно природных условий, мы можем сказать следующее:

1. Влияние природы на человеческое общество меняется в связи с развитием человеческого общества и совершенствованием средств и орудий производства. Поэтому социальные условия имеют примат над условиями природными.

2. В экономической географии в первую очередь имеет значение разнообразие географической среды и лишь затем абсолютное богатство природы.

3. Особо важное значение имеют условия сношений, ибо они являются одним из моментов, определяющих развитие производительных сил и общественное разделение труда.

После только-что изложенного с очевидностью явствует, что мы отнюдь не игнорируем и не умаляем значения природных условий. Это нисколько не находится в противоречии с тем, что, во-первых, мы отвергаем экономическую географию как географическую науку или как часть географии и, во-вторых, настаиваем на полном отрыве экономической географии, как чисто экономической науки, от географии. Под отрывом от географии мы подразумеваем полное изгнание из экономической

географии тех подходов к природе, человеку и хозяйственным явлениям, которые применяются в географии, отказ от идеалистических уклонов и строгое проведение принципов исторического материализма. Игнорирование или умаление географического фактора было бы ненаучно и марксистски безграмотно.

Социальные условия. Итак, если социальные условия имеют первенствующее значение, то посмотрим, что мы под этими социальными условиями понимаем и в какой плоскости мы их трактуем. Мы только-что указывали, что степень и характер влияния природы на человеческое общество определяется теми средствами и орудиями производства, которые имеются в распоряжении этого общества. А так как средства и орудия производства являются таким моментом, который определяет и степень развития производительных сил и весь культурный уровень общества, то, совершенно очевидно, что именно с этого вопроса мы и должны начать определение социальных условий хозяйственной деятельности в данной стране. Что мы называем орудиями производства, не нуждается в объяснении. Вопрос возникает лишь о том, как и в каком порядке их изучать. Мы думаем, что наиболее простое разрешение этого вопроса будет заключаться в обыкновенной отраслевой последовательности.

В наше время наиболее характерным для каждой страны является степень развития в ней промышленности. Так как прядильные веретена, дубильные чаны, доменные печи, токарные станки и пр. не поддаются сравнению в их натуральных показателях, то приходится брать денежную оценку фабрично-заводского оборудования и выяснять, каково общее количество фабрично-заводского оборудования, находящегося в распоряжении данной страны. Но общая сумма еще ничего не говорит о качестве оборудования, о характере той промышленности, которая в стране имеется. Поэтому необходимо эту общую сумму расплести

по размерам промышленных предприятий, и тогда будет видно, какое значение имеет в стране промышленность крупная, средняя и мелкая.

Точно так же рассматривается и оборудование сельскохозяйственных предприятий. Плуги, бороны и молотилки также не могут быть сложены в натуральных единицах и здесь также приходится прибегать к ценностным показателям. Но наряду с этим возможен еще ряд приемов. Так, мы сравниваем качественный состав каждой группы сельскохозяйственного инвентаря. Например, смотрим, какая часть среди орудий вспашки приходится на плуги и какая на сохи. Какая часть борон железных, какая часть на деревянных рамах с железными зубьями и какая часть чисто деревянных и т. д. Затем очень существенным показателем является количество инвентаря на один двор и на одну десятину как в натуральном, так и в денежном выражении. Такими путями мы вполне отчетливо выясняем картину состояния средств и орудий производства в сельском хозяйстве.

При изучении транспорта и путей сообщения можно без особых затруднений обойтись почти с одними натуральными показателями. Хотя качество железнодорожных путей может быть весьма различно (сравни, например, Октябрьскую и Мурманскую жел. дор.), однако, общее протяжение путей и их густота являются достаточно надежными показателями обеспеченности страны путями сообщения. Труднее дело обстоит при рассмотрении обеспеченности путей сообщения транспортными средствами, ибо, например, мощность паровозов и грузоподъемность вагонов бывает весьма различна, и здесь чисто количественное сравнение в натуральных единицах не всегда возможно. Наиболее осуществимо это в отношении водного (морского и речного) транспорта, где счет идет не только по количеству судов, но их тоннажу и мощности их двигателей. Наконец, оборудование железнодорожных путей и узлов, речных

пристаней и морских портов вовсе не поддается натуральному подсчету и здесь возможна лишь денежная оценка.

После того как мы выяснили общее количество средств и орудий производства в данной стране, мы должны сравнить это с общим количеством населения и выяснить его обеспеченность. Здесь прежде всего необходимо сопоставить количество рабочего населения с количеством и мощностью механических двигателей, находящихся в стране. Затем устанавливается, какое количество оборудования приходится на одного рабочего в крупной и мелкой промышленности и сколько инвентаря на одного работника в сельском хозяйстве. В транспорте таким показателем будет количество рабочих, приходящихся на единицу протяжения путей сообщения (например, в СССР — 12 человек на один километр железных дорог). Таким образом, сопоставляя количество рабочей силы с орудиями и средствами производства, мы на конкретных примерах отдельных отраслей узнаем, каково органическое строение капитала в данной стране. Совершенно очевидно, что выяснение этого обстоятельства проливает яркий свет на всю экономическую изучаемой страны и на весь ее хозяйственный строй.

Покончив со средствами и орудиями производства, мы переходим к рассмотрению рабочей силы и трудовых возможностей страны. Мы выдвигаем такую последовательность потому, что с нашей точки зрения состав, количество и качество рабочей силы определяется средствами и орудиями производства, но не наоборот (т. е. не рабочая сила определяет средства и орудия производства). Именно поэтому вопрос о живом человеческом труде ставится нами после рассмотрения накопленного, овеществленного труда.

Среди различных вопросов, которые в учебниках экономической географии обычно рассматриваются в главе о населении, мы считаем наиболее существенным трудовой баланс страны, т. е. соотношение между работоспособной

и неработоспособной частями населения. Важен этот вопрос потому, что количество работоспособного населения определяет количество ежегодной продукции страны, а общее количество населения (включая и неработоспособных) определяет количество потребляемых благ. Иными словами трудовой состав населения решающим образом влияет на баланс всего народного хозяйства страны. Помимо общего количества работников и его соотношения с нерабочим населением, нас интересует также и качественный состав рабочей силы, что, наряду с обеспеченностью рабочей силы средствами и орудиями производства, имеет решающее значение на степень производительности труда. А этот вопрос является далеко не последним элементом в совокупности тех социальных условий, которые определяют хозяйственный строй страны.

Говоря о составе рабочей силы, мы имеем в виду не соотношение между городскими и сельскими жителями, не профессиональный состав населения в широком смысле слова (т. е. самостоятельное население, занятое в сельском хозяйстве, промышленности, торговле и т. д.), а дробления более мелкого порядка и, притом, в другом разрезе. Именно, внутри каждой профессиональной группировки важно установить соотношение между квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой. Для всего населения в целом важно установить его культурный уровень. Доказывать хозяйственное значение народного образования теперь вряд ли является необходимым.¹ Нет надобности в наши дни говорить и о важности для страны иметь обученных рабочих, как в промышленности и транспорте, так и в сельском хозяйстве (трактористы). Если мы выше говорили о количественном соотношении между средствами и орудиями производства, то здесь необходимо подчеркнуть

¹ Весьма интересная работа на эту тему принадлежит перу С. Г. Струмилина.

важность установления, так сказать, качественного соотношения между ними.

Помимо состава рабочей силы особенного внимания заслуживает также движение населения. Как естественное, так и механическое движение населения непосредственно вытекает из общего экономического уровня страны и связано с развитием производительных сил. Исключительно медленный прирост населения во Франции и сильная эмиграция и отход сезонных сельскохозяйственных рабочих в Италии отчетливо характеризуют затяжной хозяйственный кризис в обеих странах в довоенные годы. Точно так же сезонный отход сельскохозяйственных рабочих из черноземного центра в Новороссию и Северный Кавказ наглядно изображает соотношение между рабочей силой и средствами и орудиями производства в упомянутых районах.

Таким образом, при изучении всей суммы вопросов, касающихся населения и рабочей силы, определяющим моментом является для нас состояние средств и орудий производства в данной стране. Но будучи явлением производным, население в свою очередь выступает как социальный «фактор», определяющий различные моменты хозяйственной жизни.

Однако, всем вышесказанному не исчерпывается совокупность социальных условий, определяющих экономическую жизнь страны. Здесь весьма важным элементом является также вопрос о классовой структуре общества. Не выяснив, как распределяются средства и орудия производства и все национальное имущество между различными слоями населения, а в связи с этим, как распределяется и национальный доход страны, мы не получим полной картины социальных условий. Разве не характерно, что 93% народного богатства Франции принадлежит одной четвертой части ее населения; что Соединенные Штаты Северной Америки находятся целиком в руках знаменитых

«верхних десяти тысяч», а эти последние в руках Моргана и Рокфеллера; что немногочисленная и молодая русская буржуазия экспроприровала в довоенной России почти четвертую часть всего национального ежегодного дохода страны; что в СССР почти половина всех капитальных фондов обобществлена и т. д. и т. д.? Разумеется, решить все эти вопросы нельзя. Поэтому классовая структура страны должна быть одним из основных элементов в той совокупности социальных условий, которые мы считаем нужным установить для понимания и объяснения экономической жизни изучаемой страны.

Резюмируя все изложенное выше относительно социальных условий, можно сказать, что здесь необходимо выяснить следующие группы вопросов:

1. Состояние средств и орудий производства. Соотношение между ними и рабочей силой.
2. Трудовой баланс страны. Количество рабочей силы и ее состав. Движение населения.
3. Классовая структура населения. Социальное распределение народного богатства и национального дохода.

После того как мы познакомились с природными и социальными условиями, в которых протекает хозяйственная деятельность населения, мы можем приступить к исследованию общего экономического состояния страны, в частности ее структуры. Здесь необходим такой порядок потому, что именно природные и социальные условия определяют экономическую структуру страны. Что это именно так, мы убедимся при ближайшем рассмотрении тех вопросов, которые мы объединяем под общей рубрикой — экономическая структура.

Сюда мы относим прежде всего вопрос о положении изучаемой страны в мировом хозяйстве. Взаимодействие между целым и его частью наглядно показывает, каково положение этой части во всем целом и каково строе-

ние самой части. Некоторые экономисты любят выставлять особую трехчленную формулу взаимоотношений между отдельными частями мирового хозяйства: обмен людей, товаров и капиталов. Как известно, в современную нам эпоху наиболее характерным является движение капиталов, которое в системе новейших капиталистических отношений решающим образом влияет на положение страны в мировом хозяйстве и на весь ее хозяйственный строй. Но и международная торговля далеко не утратила своего первостепенного значения, чего однако нельзя сказать про миграционные процессы. Распределение рабочей силы на земном шаре происходит не как явление самостоятельное, а как подчиненное другим моментам.

Но чем определяется положение страны в мировом хозяйстве? Причины, обуславливающие это положение, лежат не только вовне данной страны (т. е. в самом мировом хозяйстве в целом), но и внутри ее. Причины эти лежат в совокупности тех природных и социальных условий, о которых мы только-что говорили. Мы знаем, что взаимоотношение между человеческим обществом и географической средой сводится к тому, что общество извлекает из природы необходимые ему жизненные блага. И содержание и форма этой деятельности зависит не только (и не столько) от уровня этой среды, но и (сколько) условий самого общества. Вот почему взаимоотношения между природными и социальными условиями, с одной стороны, и между отдельными природными и отдельными социальными (напр., между рабочей силой и средствами и орудиями производства) условиями, с другой, являются, с нашей точки зрения, теми внутренними «факторами», которые наряду с «факторами» внешними определяют всю экономику страны, в том числе и ее положение в мировом хозяйстве.

Действительно, чем определяется движение капиталов? Если страна хозяйственно сильно развита, если она имеет высокое органическое строение капитала, то это приводит

к экспорту капитала в страны более отсталые, в страны бедные «капиталом». Но предварительное рассмотрение природных и социальных условий и их взаимоотношения дают нам достаточный материал, чтобы уже заранее определить, имеет ли данная страна избыток или недостаток капитала. Изучая положение данной страны в мировом хозяйстве, мы, таким образом, стараемся связать это не только с состоянием всего мирового хозяйства в целом, но и с состоянием самой страны.

Это изучение мы начинаем с анализа платежного баланса. Здесь состав и удельный вес отдельных статей правой и левой стороны баланса дадут нам наглядную картину, как внутренние условия страны отражаются на ее положении в мировом хозяйстве. Так, при слабой обеспеченности страны средствами и орудиями производства и ее общей хозяйственной отсталости будет обязательно (в системе капиталистического хозяйства) импорт капиталов. При наличии развитого торгового флота фракт будет идти как приходная статья платежного баланса (Англия), при недостатке его — как статья расходная (СССР). Если часть рабочего населения уезжает на заработки в другие страны, то в платежном балансе значительную роль приобретают денежные переводы (Италия).

Анализ платежного баланса непосредственно связывает нас с балансом торговли. Ведь активность по одному балансу в качестве общего правила ведет пассивность по другому. Таким образом, страна хозяйственно слабо развитая, имеющая недостаточную обеспеченность средствами и орудиями производства и прибегающая к импорту капиталов, вынуждена вывозить товаров больше, чем ввозить их к себе. Помимо характера баланса по внешней торговле нас еще интересуют его общие размеры. Так как абсолютные цифры здесь мало говорят, то необходимо прибегнуть к ряду относительных показателей. Во-первых — удельный вес данной страны в мировой

торговле. Это показывает роль ее в мировом хозяйстве. Во-вторых — доля экспорта в общей продукции страны и доля импорта в общем потреблении страны и в-третьих — размеры внешнего товарообмена на одного жителя. Последние два показателя говорят о том, каково значение внешней торговли для хозяйства данной страны, и насколько тесно она связана с мировым хозяйством. Наконец, третьим вопросом является состав внешней торговли. Этим самым мы выясняем, в каком качестве выступает данная страна в мировом хозяйстве: как страна промышленная, сельскохозяйственная или смешанная. Изучение платежного баланса и внешней торговли дает нам все существенные моменты, характеризующие взаимоотношения между мировым хозяйством — целым и его частью — народным хозяйством данной страны.

Весь предыдущий анализ сводился к познанию страны в целом. Между тем совершенно экономически однородных стран не существует. Всякая страна в той или иной степени подвержена дифференциации. Совершенно очевидно, что при рассмотрении хозяйственной структуры страны эта дифференциация должна быть выявлена с возможно большей полнотой. В частности, для нас одинаково важен как разрез отраслевой, так и разрез районный. Рассмотрим по порядку, с каких точек зрения можно подойти к изучению хозяйственной дифференциации страны.

Разумеется, прежде всего нас интересует соотношение между отдельными отраслями. Уже выше мы имели возможность частично установить хозяйственный тип страны. Об этом говорили, с одной стороны, соотношение между городскими и сельскими жителями и профессиональный состав населения, с другой — состав внешней торговли. Теперь для выяснения этого вопроса мы имеем возможность прибегнуть к данным другого рода. Во-первых — соотношение между продукцией сельского хозяйства и промышленности, во-вторых — строение национального дохода,

в-третьих — состав народного богатства. Все это достаточно убедительно говорит о том, каков хозяйственный тип данной страны: сельскохозяйственный, промышленный или смешанный, и каково значение отдельных отраслей в системе данного народного хозяйства. Но нас интересует не только содержание хозяйственной деятельности, но и те формы, которые она принимает. Мы знаем, что одни хозяйственные формы сменяют другие. Какова бы ни была господствующая форма, но одновременно с ней сосуществуют и другие, часто очень отсталые. Для характеристики страны состав этих форм, их взаимоотношения и удельный вес каждой из них является очень существенным моментом. Достаточно хорошо известны те пять форм общественно-экономических укладов, которые были сформулированы Лениным¹ в отношении СССР. Разве наличие этих пяти элементов не является весьма характерным для нашей экономики? Говоря здесь о формах, мы не имеем в виду противопоставлять их содержанию, в виде отраслевого строения народного хозяйства. Выше мы уже указывали, что для нас форма и содержание неразрывно связаны. Поэтому и здесь, говоря о формах, надо иметь в виду, что мы имеем дело не с абстракциями, а с конкретными отраслями, которые выступают в народном хозяйстве, имея неразрывную связь формы и содержания.

Помимо отраслевой дифференциации, нам важно выявить также и дифференциацию районную, географическое разделение труда внутри данной страны. Как бы экономически однородна и территориально мала ни была страна, но географической дифференциации в той или иной степени ей не избежать. Такая небольшая страна как Англия, которая выступает в мировом хозяйстве как типично

¹ 1. Натуральное хозяйство. 2. Малое товарное хозяйство. 3. Частно-хозяйственный капитализм. 4. Государственный капитализм. 5. Социализм.

«О продовольственном налоге» (Собр. сочинений, т. XVIII, ч. I).

индустриальная страна — и она имеет графства промышленные, земледельческие, скотоводственные и т. д. Протаные же государства, как С.-А. С. Ш. или СССР, уже не приходится и говорить. И вот для характеристики страны важно установить в о б щ и х ч е р т а х ее хозяйственную дифференциацию, ее внутреннее разделение труда. Подчеркиваем, мы здесь говорим не о детальном районном анализе, а о том, как в основном происходит географическое размещение отдельных отраслей.

Чтобы покончить с вопросом о хозяйственной дифференциации, необходимо коснуться еще одного момента. Мы до сих пор все время говорили о статике. Но еще большее значение имеет для нас выявление динамики. Нам важно установить не только, каково соотношение между отдельными отраслями, но и то, в каком направлении идет изменение этого соотношения: какие отрасли развиваются более интенсивно, какие отрасли увеличивают свой удельный вес в народном хозяйстве. Точно так же и относительно районной дифференциации. Мы знаем, что с течением времени географическое разделение труда претерпевает значительные изменения. Нередко хозяйство целого района перестраивается в течение очень небольшого промежутка лет, что влечет сильные изменения в хозяйственной дифференциации страны. Поэтому необходимо также установить основные тенденции в географическом разделении труда: какая часть страны развивается более энергично, не происходит ли географическое перемещение хозяйственного центра и отдельных отраслей народного хозяйства, в каком направлении происходит развитие центра и окраин и т. д. Только вскрыв динамические процессы, мы сможем постигнуть хозяйственную дифференциацию страны. Чисто статический анализ недостаточно плодотворен.

Наконец заключительным аккордом в изучении экономической структуры страны должен быть анализ соотно-

шения между продукцией страны и ее потреблением. Ведь для нас важно не только современное состояние страны, но и возможный темп ее развития. Моментом, определяющим это развитие, являются размеры накопления, производимого в стране. Соотношение между продукцией и потреблением и указывает как раз на возможные размеры накопления. — «Границей возможного темпа народно-хозяйственного развития, границей, определяющей собою все частные лимитирующие факторы, надо признать размеры национального накопления в его материальной форме, т.-е. совокупность тех вновь произведенных благ, которые остаются за покрытием потребностей простого воспроизводства, и составляют, таким образом, материальную базу расширенного воспроизводства и реконструкции».¹ Выяснив, таким образом, размеры накопления и те социальные и хозяйственные формы, которые оно принимает, мы тем самым установим возможный темп дальнейшего развития народного хозяйства и то направление, в котором пойдет это развитие.

Подводя итог всем вопросам, относящимся к хозяйственной структуре страны, можно резюмировать это следующим образом:

1. Исследуя платежный баланс и внешнюю торговлю, мы устанавливаем положение страны в мировом хозяйстве.

2. Исследуя взаимоотношение отдельных отраслей и отдельных районов страны, мы устанавливаем хозяйственную дифференциацию и географическое разделение труда внутри страны. При чем помимо статического состояния определяются и все динамические процессы, которые характеризуют направление дальнейшего развития хозяйственной дифференциации.

¹ «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925 — 26 г.» Изд. Госплана, стр. 12.

3. Исследуя размеры и формы национального накопления, мы устанавливаем возможный темп и направление дальнейшего развития народного хозяйства.

Обзоры отраслей и районов. Все вопросы, которых мы касались выше, в обычных курсах экономической географии или вовсе не затрагиваются, или если и затрагиваются, то излагаются в совершенно ином разрезе и под другим углом зрения, чем это сделано у нас. Вот почему мы так подробно останавливались на этих вопросах. В то время как авторы существующих курсов центр тяжести помещают в описание отдельных отраслей или экономических районов, мы считаем центральным пунктом вводную или общую часть, которая должна охватывать все вопросы, затронутые выше. Изучение отдельных отраслей и районов, по нашему мнению, бесплодно, если это изучение не вытекает из общего хозяйственного положения страны. Только в свете тех общих вопросов, о которых говорилось выше, возможно плодотворное изучение отдельных элементов страны, будь то отрасли народного хозяйства или экономические районы.

Хотя все наши учебники целиком занимаются исключительно отраслями и районами, но вряд ли найдется экономист-географ, который признает эти отраслевые и районные обзоры не нуждающимися в значительных коррективах. Однако вопрос о методах изучения отдельных отраслей и районов настолько сложен, что подробное рассмотрение его увело бы нас слишком далеко. Поэтому мы останавливаемся только на некоторых пунктах, выяснение которых в данном случае мы считаем наиболее важным.

Прежде всего может возникнуть вопрос, есть ли необходимость после изучения народного хозяйства в целом рассматривать его еще и по отраслям и по районам. Не достаточно ли будет одного из этих разрезов? На этот вопрос мы ответим отрицательно. Даже авторы, допускавшие ранее только один отраслевой порядок, признали его

недостаточным и поняли целесообразность и районного порядка. По мнению проф. В. Э. Дена «каждый из этих способов имеет свой смысл и свое оправдание, и поэтому они взаимно друг друга дополняют»,¹ а проф. П. Г. Тимофеев в третьем издании своего учебника говорит: «Правильнее было бы считать обе системы не исключаящими друг друга, а взаимно развивающимися».² Мы выше уже указывали, что традиционную и районную школу разделяет не способ построения их учебников, а их общие методологические воззрения: районная школа считает нашу науку частью географии, тогда как традиционная школа признает ее наукой экономической. Что же касается отраслевого и районного способа изучения, то они в их современной трактовке — тождественны и их различие сводится к масштабу изучаемой территории: одни исследуют отдельные отрасли хозяйства в пределах государства, другие — в пределах района.

Но и построение по отраслям и построение по районам является одинаково несовершенным, ибо дает изображение хозяйственной жизни лишь в одном разрезе. Для того, чтобы получить всестороннее представление об экономической географии страны, нужно дать изображение хозяйственной жизни в двух разрезах: в горизонтальном (отраслевом) и в вертикальном (по районам). Совершенно очевидно, что эти два способа действительно дополняют друг друга, и применение только одного из них не дает всесторонней картины народного хозяйства страны.

Но тогда неизбежно возникает вопрос: если всякое экономико-географическое исследование должно заключать в себе и тот и другой разрез, то что же должно идти раньше — обзор отдельных отраслей народного хозяйства или обзор отдельных экономических районов? Некото-

¹ Курс экономической географии. Стр. 5.

² Экономическая география СССР. 3-е изд. Стр. 4.

рые авторы склоняются ко второму варианту. Так, напр., поступил проф. Л. Д. Синицкий в первом издании своего «Учебника экономической географии СССР». ¹ Мы считаем такой порядок неправильным. Ведь мы уже видели, что обзор района в значительной части сводится к тому же обзору отраслей, только в меньшем масштабе. Спрашивается, можно ли осмыслить экономическую физиономию района и понять его роль в системе народного хозяйства страны, если еще не исследовано состояние отдельных отраслей в народнохозяйственном масштабе и значение каждой отрасли в экономической жизни страны? Мы глубоко убеждены, что нет. Именно в интересах полного выявления географической дифференциации и надлежащего осмысливания экономики каждого отдельного района, изучение отдельных отраслей должно предшествовать районным обзорам. Такой метод исследования имеет еще то основание, что хозяйственную жизнь района мы объясняем, не исходя исключительно из одних лишь местных условий, но и (вернее главным образом) исходя из условий экономического целого, т.е. всего народного хозяйства страны. Таким образом мы приходим к тому заключению, что в экономико-географических исследованиях сначала должно идти изучение отраслей, а затем изучение районов.

Поскольку и отраслевой и районный разрез являются необходимыми элементами экономико-географического исследования и поскольку один разрез следует за другим, возникает необходимость вести отраслевое изучение таким образом, чтобы в дальнейшем была возможность органически связаться с изучением районным. Эта необходимость диктует максимальное развитие районных элементов в процессе изучения отдельных отраслей. Не нуждается в доказательствах, что с этой точки зрения особую важность

¹ Во втором издании автор от этого порядка, совершенно правильно, отказался.

приобретает изучение географического распространения отдельных отраслей, того, в каких районах сосредотачивается данная отрасль, и как она в процессе своего географического размещения изменяется в качественном и количественном отношении. Точно так же с этой точки зрения получает большое значение и выяснение роли отдельных районов в данном производстве, что всегда имеет место при отраслевом изложении экономической географии. Так, говоря о каменноугольной промышленности, мы всегда указываем, какой процент добычи приходится на Донбасс, сколько на Урал и т. д. Но это еще не все. Одним из достоинств отраслевого способа исследования в экономической географии является не только то, что при таком порядке получается яркая картина значения отдельных отраслей в народном хозяйстве страны, но и устанавливается та связь, которая органически существует между отдельными отраслями хозяйственной деятельности. Последний момент мы считаем особенно важным. Исследуя более подробно взаимозависимость между отдельными хозяйственными отраслями, мы находим, что эта зависимость сильно изменяется в пространстве. Возьмем две основных отрасли сельского хозяйства: земледелие (растениеводство) и скотоводство. Хорошо известно, что эти две отрасли не только органически связаны друг с другом, но и что связь эта сильно изменяется по отдельным районам. Может быть, еще более резкая картина получается при рассмотрении отдельных более мелких отраслей. Возьмем, напр., разведение свиней. Совершенно очевидно, что эта отрасль скотоводства не является чем-либо изолированным, а наоборот тесно связана с другими видами хозяйственной деятельности. Но по отдельным районам свиноводство связывается с самыми разнообразными хозяйственными отраслями. В одном случае это будет лесное хозяйство (дубовые желуди и буковые орешки), в другом — молочное хозяйство (обрат), в третьем — зерновое хозяйство (ячмень,

кукуруза), в четвертом — мукомольная и маслосебяная промышленность (отруби, жмыхи), в пятом — разведение свекловицы и сахарная промышленность (жом, черная патока) и т. д. И вот при изучении отдельных отраслей задачей чрезвычайной важности является проследить, как изменяется связь данной хозяйственной отрасли с другими отраслями по отдельным районам. Это нужно прежде всего для всестороннего изучения данной отрасли, но это имеет также громадное значение и для последующего изучения отдельных экономических районов страны. К этой же категории вопросов относится и исследование того, как в силу тех или иных условий изменяется характер данной хозяйственной отрасли. Напр., разведение крупного рогатого скота принимает по отдельным районам то мясное направление, то молочное, то рабочее направление, то какое-нибудь смешанное. Точно так же и при выяснении значения отдельных районов в том или ином производстве возникает вопрос не только о количественной роли каждого района, но и об их качественных различиях. Напр., при изучении металлургии нельзя пройти мимо природных, технических, организационных и экономических особенностей юга и Урала. Все эти районные элементы отраслевого исследования важны не только для изучения каждой отдельной отрасли, но имеют также весьма существенное значение и для дальнейшего исследования страны в районном разрезе. Таким образом, при изучении отдельных хозяйственных отраслей районным элементам должно быть уделено усиленное внимание.

Что касается экономико-географического исследования в районном разрезе, то здесь необходимо избежать основной ошибки авторов районного направления. Последняя заключается в том, что эти авторы придерживаются традиционного построения: центр тяжести существующих порайонных обзоров лежит у них в обыкновенном описании отдельных отраслей. В результате обзор района ничем не

отличается от обзора всего народного хозяйства страны. Такое трактование порайонного метода исследования является, по нашему мнению, глубоко ошибочным. Центр тяжести порайонного обзора должен лежать не в описании отдельных отраслей, а в общей экономической характеристике района. Таковая должна с соответствующими изменениями содержать многие из тех вопросов, которые мы выдвинули для общей характеристики хозяйства страны в целом. В районных исследованиях основным является определение общего хозяйственного типа района, его взаимоотношений с другими районами и его значения в системе народного хозяйства страны. Из более дробных вопросов важнейшими являются здесь следующие: 1) каково соотношение отдельных отраслей внутри данного района, 2) какие отрасли имеют народно-хозяйственное и какие местное значение, 3) что поставляет данный район в другие районы и что получает он от них взамен, 4) каково разделение труда внутри данного района и т. д. Если в отношении исследования народного хозяйства страны мы подчеркивали важность общего хозяйственного обзора, то в порайонном исследовании этому должно принадлежать доминирующее место, и подавляющая часть порайонного исследования должна состоять именно из этих общих вопросов, а не из традиционного описания отдельных отраслей. Только при такой трактовке районный метод исследования получает свой смысл и свое оправдание.

Таким образом, в экономико-географических исследованиях необходимо применять как отраслевой, так и районный метод изучения. При этом обзор районов должен следовать после обзора отдельных отраслей. Этот последний должен заключать в себе развитые районные элементы. В порайонном же исследовании центр тяжести должен лежать в общей хозяйственной характеристике района, а не в традиционном описании отдельных отраслей.

Заключение. Заканчивая обзор общей схемы экономико-географического исследования, мы позволим себе повторить то, что говорилось нами в начале этой главы. В то время как по вопросу о предмете экономической географии мы опирались на целый ряд других ученых, в вопросе о методе этого, по известным уже причинам, быть не могло. В виду такой неразработанности темы, вопрос о методах экономико-географического исследования заслуживает несравненно более тщательного и подробного анализа, чем это сделано нами. Ограниченный размер настоящей работы не позволяет нам разработать эту тему во всей ее широте. Поэтому мы ограничились выяснением лишь наиболее важных и основных вопросов. Исключительная новизна темы неизбежно повлечет дальнейшее дополнение, развитие, исправление и уточнение высказываемых нами положений. Но самая схема и общие принципы, думается нам, правильные и вполне отвечают тому определению предмета экономической географии, которое было дано в предыдущей главе. Надеемся, что сделанная здесь первая попытка установить методы экономико-географических исследований поможет не только более детальной разработке этой темы, но и скорейшему и правильному установлению марксистского понимания экономической географии.

ГЛАВА VI.

ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.

Задачи науки и преподавания. Касаясь вопросов методологии экономической географии, нельзя обойти молчанием тех задач, которые ставятся при научной разработке экономической географии и при ее преподавании. Рассмотрим, поэтому, по порядку задачи

экономической географии как научной дисциплины и как учебного предмета.

В настоящей работе мы очень часто именуем экономическую географию наукой. Разумеется, против этого возможны возражения такого рода, что экономическую географию, как не имеющую оформленного метода и предмета, нельзя квалифицировать как науку. Но если даже допустить это положение, то все-таки нельзя не признать, что экономическая география близка к тому, чтобы притаться в серьезную научную дисциплину. Для выяснения этого вопроса обратимся к тем задачам, которые ставились жизнью экономической географии в различные эпохи. Здесь было бы очень интересно проследить постепенное выделение экономической географии из различных отраслей знания (статистики, географии, экономических наук), которые являются основными источниками ее возникновения, проследить историческое развитие экономической географии и социальные корни различных ее направлений. Однако, эти вопросы требуют очень подробного и глубокого анализа и увели бы нас слишком далеко. Поэтому, остановимся лишь на наиболее существенных моментах.

Можно считать, что в конце XIX века экономическая география вполне обособилась в самостоятельную дисциплину. Именно тогда возникла и расцвела пыльным цветом традиционная школа. С ней же тесно связана и так называемая коммерческая география, имеющая широкое распространение за границей. Коммерческая география непосредственно примыкает к традиционной школе; построена она на тех же принципах: описательный метод, отраслевой и даже предметный (товарный) порядок изложения.

Экономическая география, как и всякая наука, имеет свои социальные источники. С изменением общественных отношений меняются и требования, предъявляемые к науке обществом, что и определяет изменение задач

и характера науки. Традиционная школа совместно с коммерческой географией отвечала на вполне определенные требования, предъявленные им эпохой. К концу XIX века золотое детство буржуазного общества давно прошло. Капитализм вступил в свой новейший этап. Развитие монополистических объединений, империализм и раздел земного шара явились характерными признаками нового периода. Вопрос рынка (рынков топлива, рынков сырья, рынков сбыта) встал перед капиталистическим производством во всей его остроте. Эти рынки нужно было знать, для этого их следовало изучить. Необходимо было усилить знакомство с состоянием отдельных отраслей хозяйства различных стран, чтобы выяснить возможности, раскрывающиеся перед капиталистическим производством. И вот, экономическая география, подбирая, накапливая и систематизируя факты, стала тщательно и добросовестно описывать хозяйство различных стран, излагая свой предмет по отдельным отраслям. Совершенно очевидно, что те задачи, которые тогда ставились экономической географии, требовали именно описательного метода. Всякого рода объяснения, истолковательные элементы были не нужны, а может-быть даже и не желательны.

Совершенно иного рода требования предъявляются к экономической географии в СССР. В корне изменившимся общественным отношениям соответствуют совершенно иные условия хозяйствования. Наличие социалистических элементов в нашей экономике и связанный с этим момент плановости резко отличают нас от капиталистического хозяйства. Небывалый в мире опыт регулирования хозяйства на колоссальной территории требует таких знаний, таких подходов к хозяйственным явлениям, в которых раньше не могло встретиться надобности. Старое описательное направление является здесь бессильным. Отсюда и новые задачи, возникающие перед экономической географией.

Прежде всего возникает необходимость не просто описать наше хозяйство, но его понять. Иными словами, нужно объяснить, найти причины, обуславливающие то или иное хозяйственное явление. Без этого невозможно регулирование экономики и плановый подход к хозяйственному строительству. Истолковательное, объяснительное направление в экономической географии оказалось представленным географической школой, которая считает возможным объяснять хозяйственные явления исключительно одними природными условиями. Как мы показали выше, это направление подходит к географическому фактору с идеалистической, а не марксистской точки зрения. Кроме того, привлечение одних лишь природных условий является недостаточным, ибо социальные условия имеют не меньшее, а большее значение. Не надо, впрочем, думать, что истолковательное направление существует только в таком одностороннем виде. Существует также течение, исходящее не только из природных, но и из социальных предпосылок (иногда даже с преувеличением значения последних) и стремящееся правильно подойти к истолкованию вопросов экономической географии. Однако, это течение не имеет своего надлежащего печатного оформления.

Но задачи современной экономической географии не ограничиваются лишь одним развитием объяснительных, истолковательных моментов. Заканчивается период нашего хозяйственного восстановления и достижения количественных норм довоенного времени. Перед нами стоит задача постройки новых заводов, проведения новых железнодорожных линий, сооружения электростанций, перестройки сельского хозяйства целых районов и т. д. и т. д. И здесь вопрос о географическом размещении становится важнейшей проблемой планового хозяйства. В частности вопрос о месте постройки новых фабрик и заводов встал вплотную уже в этом (1925) году. Таким образом жизнь предъявляет к экономической географии совершенно новые

требования. Необходимо во всей полноте разработать вопросы географического размещения форм и отраслей хозяйства. Проблема эта, впрочем, не нова, и мы уже имеем по этому поводу теории Тьюнена и Альфреда Вебера. Эти теории нужно лишь оплодотворить марксистской мыслью и дополнить и развить применительно к нашим условиям. У нас вопрос о постройке, например, нового завода не может решаться изолированно от общих хозяйственных вопросов и, главное, не в связи с более широкой проблемой — районирования нашей территории. На ряду с этим существует и другая проблема — электрификация, которая должна создать технический базис для дальнейшего строительства социализма. Обе эти проблемы являются неразрывно связанными между собой. Проблема районирования и географического размещения отдельных отраслей и видов хозяйства должна быть неотъемлемой частью экономической географии, которая этим путем не только получит первостепенное практическое значение, но и примет вполне научный характер. Мы уже говорили, что с марксистской точки зрения чисто-идиографических наук не существует, ибо всякая наука занимается и собиранием фактов и выведением законов. В этом отношении экономическая география еще не вполне стала наукой, ибо до сих пор она ограничивалась одними лишь описательными и, в последнее время, истолковательными моментами. Обобщениями широкого характера, выведением закономерностей экономической география еще не занималась. Эти номотетические элементы смогут развиваться в ней лишь тогда, когда экономическая география займется теоретической и практической разработкой вопросов районирования, когда закономерность пространственного размещения хозяйственных явлений войдет составной частью в теоретический фундамент экономической географии.

Таким образом в будущем экономическая география вырисовывается как наука, занимающаяся обобщениями

широкого характера и выведенным закономерностей с перестепенным практическим значением для регулирования экономики и планового хозяйственного строительства. Может-быть, в таком качестве экономическая география утратит характер самостоятельной дисциплины и превратится в важнейший составной элемент экономической политики. Но суть дела от этого не меняется, ибо сущность науки не в ее названии, а в тех общественных задачах, которые она призвана разрешить. Усиленное хозяйственное строительство Советского Союза предъявляет к экономической географии ряд неотложных требований, за выполнение которых ей необходимо немедленно приняться. Разрабатывая выдвинутые обществом проблемы, экономисты-географы являются таким образом активными участниками строительства социализма.

Для ответа на второй из поставленных вопросов лучше всего обратиться сначала к мнению других ученых, прежде всего зарубежных, и выяснить, каков их взгляд по затронутому вопросу.

В этом отношении чрезвычайно интересно услышать мнение проф. К. Гассерта, который, как мы видели выше, дал очень разработанную схему методологии экономической географии. Говоря об образовательной ценности хозяйственной географии, автор указывает: «1) ее значение для материального образования, путем сообщения необходимых фактических знаний; 2) практическое применение этих фактических знаний и их внутренняя связь с хозяйственной и политической жизнью; 3) формальная образовательная ценность... как одного из самых действенных предметов преподавания для образования интеллекта».¹ Соглашаясь вполне с этими мыслями, мы, однако, не разре-

¹ Цит. статья — стр. 148. Впрочем, автор здесь имеет в виду не только хозяйственную географию, но отчасти и географию вообще.

4
 лем трехчленную формулу, выставленную автором. Более правильной, по нашему мнению, будет двухчленная формула, указывающая 1) на материальную и 2) на формальную образовательную ценность экономической географии. Что же касается практического применения фактических знаний, то здесь полезно вспомнить старую поговорку: «non scholae sed vitae discimus». Вообще говоря, мы считаем, что противопоставление материальной и формальной ценности ценности практической является неправильным. Говоря о материальной и формальной ценности, мы имеем в виду учебный предмет. Наоборот, говоря о практической и теоретической ценности, мы имеем в виду научную дисциплину. Таким образом автор смешивает категории различного порядка.

Экономическая география как специальный предмет.

Но проф. К. Гассерт подходит к вопросу о задачах преподавания экономической географии и с другой стороны и разрешает его в совершенно ином разрезе.

Так, автор прежде всего указывает на то, что знание экономической географии безусловно необходимо купцам и промышленникам, государственным деятелям и дипломатам, консулам и парламентариям и т. п. Таким образом автор указывает, что некоторые отрасли деятельности, некоторые профессии не могут обойтись без знания экономической географии. Иными словами, говоря о задачах преподавания экономической географии, проф. К. Гассерт прежде всего указывает на задачи экономической географии как предмета специального. Правда, он этот термин не употребляет, но мы, вводя этот термин в отношении экономической географии, думаем, что это слово будет лучше всего характеризовать ту экономическую географию, которая имеет своей задачей дать известным категориям профессий определенную совокупность специальных знаний. Как мы указывали выше, мы не согласны с тем, как понимает проф. К. Гассерт экономическую гео-

графию, но такое понимание задач преподавания экономической географии мы вполне разделяем.

Итак, экономическая география может преподаваться, во-первых, как предмет специальный. Совершенно очевидно, что экономическая география как специальный предмет нам весьма нужна, ибо мы не меньше, а больше, чем за граница, нуждаемся в квалифицированных спецах и прежде всего по хозяйственной линии. На важность экономической географии (как специального предмета) указывает и проф. Л. Д. Синицкий. «Прежде всего знания по этому предмету необходимы для будущих (совершенно так же, как и для настоящих, О. К.) красных купцов и организаторов промышленности, для нынешних слушателей промышленно-экономических техникумов. Они должны иметь ясное представление о населении, хозяйстве, социальных и политических условиях тех стран и тех районов страны, с которыми завязаны или будут завязаны торговые отношения, где устраиваются те или иные предприятия. Они должны быть хорошо знакомы с областями получения продуктов и с рынками сбыта, с путями направления и получения продуктов, с условиями правильной и непрерывной работы производства, с теми непрерывными изменениями, какие совершаются из года в год и в образовании новых областей производства и сбыта, и в создании новых путей, рынков и т. д. Со всем этим ознакомит их экономическая география, при чем все отдельные проявления торговой и промышленной энергии будут оценены ими как органическая часть целого. Только тогда нынешний учащийся и будущий работник может рассчитывать на то, что он будет содействовать здоровому, планомерному развитию того дела, в котором принимает участие».¹

¹ «Экономическая география в системе школьного образования». В сборнике «Вопросы экономической географии в школе и в жизни», стр. 46 — 48.

На значение экономической географии как специального предмета указывает и И. Г. Борисов: «Богатое конкретное содержание экономической географии определяет и важность изучения ее в особенности для практических деятелей в различных отраслях народного хозяйства».¹

Для осуществления тех задач, которые стоят перед экономической географией как специальным предметом, необходимо, во-первых, чтобы экономическая география давала углубленное и научное знание и, во-вторых, не отклонялась бы от основ марксистского мировоззрения. Думается, что изложенное выше понимание экономической географии наилучшим образом удовлетворяет этим двум требованиям.

Экономическая география как общеобразовательный предмет.

Но те же авторы указывают и на другое значение экономической географии, именно — громадное общеобразовательное значение этого предмета. Правда, термин общеобразовательный ими не употребляется, но смысл их слов несомненно таков. Так, тот же К. Гассерт пишет: «Государственный интерес требует также, чтобы... весь народ был (должен быть) политически воспитан. Для этого нам безусловно необходима политическая и хозяйственная география... Если уже школа должна положить основание для гражданского воспитания, то хозяйственная география... должна стать предметом преподавания во всех школах. Школа должна служить потребностям времени и облегчать понимание событий дня».²

Здесь вполне отчетливо экономическая география выдвигается как общеобразовательный предмет. При этом знать экономическую географию, по словам Гассерта, должен не просто всякий более или менее образованный

¹ «Экономическая география Советской России», 2 изд. 1923 г. Стр. 6.

² Цит. статья, стр. 151 и 153.

человек, а каждый политически-грамотный гражданин. Отсюда — преподавание экономической географии имеет государственное значение. В чем заключается тот государственный интерес, о котором пишет К. Гассерт, видно из его следующих слов: «Что может лучше способствовать возникновению любви к родине и национального самосознания учеников, как не преподавание географии под отечественным углом зрения, делающим географию национальным учебным предметом!.. Мы хотим показать нашему юношеству, что значит в мире Германия и германское господство над морем, и что нам нужно для восстановления нашего мирового значения...»³ и т. п. в таком же духе.

Другой «политграмоты» в буржуазном государстве, конечно, быть и не может. Нас здесь, разумеется, не интересует то шовинистическое содержание, которое патристически-настроенные профессора вкладывают в наш предмет. Буржуазные ученые буржуазного государства иначе поступать и не могут. Но чрезвычайно важно отметить то, что на Западе уже осознали государственное значение экономической географии и ее роль в развитии политической грамотности граждан.

Совершенно очевидно, что экономическая география как предмет общеобразовательного характера у нас, в Союзе Республик, должна получить широчайшее распространение.⁴ В наше время и в наших условиях развитие политической грамотности населения СССР является важнейшей, ударной задачей просветительной политики Советской власти. Если экономическая география является важнейшим орудием политического воспитания в буржуазной стране, то не меньшее значение она должна иметь и в Советских Республиках. Совершенно бесспор-

³ Цит. статья, стр. 152.

⁴ Об общеобразовательном значении экономической географии говорит, не совсем в отчетливой форме, и Л. Д. Смирнов. Цитир. статья, стр. 43.

ным является то, что человек, не знающий социально-политической структуры нашего государства (Советской конституции) не может считаться политически грамотным гражданином. Но можем ли мы осмыслить своеобразие нашего государственного устройства, можем ли мы понять экономическую политику Советской власти и другие важные отделы политграмоты, не зная экономической структуры и конкретной хозяйственной жизни нашей страны? По нашему мнению, это невозможно. Сейчас, когда широкие массы привлекаются к хозяйственному строительству на основе сознательного и осмысленного в нем участия, когда хозяйственные вопросы лежат в центре внимания и правительства, и партии, и всей советской общественности, когда под все вопросы политики, права, быта и т. п. подводятся экономический базис, может ли, спрашиваем мы, гражданин Советских республик обойтись без знания конкретной экономической действительности, т. е. без знания экономической географии? Думаем, что ответ ясен. Конечно, знание нашей экономической структуры и конкретной хозяйственной жизни является безусловно необходимым знанием для каждого жителя Советских Республик, желающего быть действительно гражданином, а не обывателем. Экономическая география должна быть одним из неперемных отделов политграмоты.¹ Но и вне политграмоты экономическая география, как совершенно самостоятельный предмет преподавания, в качестве дисциплины широкого общеобразовательного значения должна получить видное место в учебных планах просветительных учреждений самого разнообразного типа. Так как сеть специальных учебных заведений, где экономическая география изучается как специальный предмет, относительно невелика, то в действи-

¹ Вполне правильно поступило издательство «Молодая Гвардия», когда, выпуская серию книг под общим заголовком «Политграмота комсомольца», оно в нее включило экономико-географический очерк Илии Алиева и И. Полеев «Основы нашего производства».

тельности экономическая география получила распространение именно как общеобразовательный предмет. Общеобразовательные и не общеобразовательные ВУЗ'ы, разного рода школы повышенного типа, техникумы и, наконец, вторая ступень¹ — все они, за малыми исключениями, содержат в своих учебных планах курс экономической географии. Таким образом тот громадный «спрос» на экономическую географию, который можно наблюдать на учебном «рынке», есть спрос на экономическую географию именно как на общеобразовательный предмет. В настоящее время, в наших условиях экономическая география приобретает важное значение именно как предмет общеобразовательного характера.

Но учебному предмету подобного характера и подобного значения жизнь естественно предъявляет весьма высокие требования. Он должен отвечать духу времени, он должен легко восприниматься и быть доступным. Но таковым он не станет, если он будет чужд диалектического материализма. Хотелось бы надеяться, что выдвинутое нами понимание экономической географии ближе других построенный подходит к указанной задаче. В сочетании глубокого научного характера и марксистского подхода — единственный путь для реального осуществления тех задач, которые лежат перед экономической географией как наукой и как учебным предметом.

Таким образом, экономическая география как учебная дисциплина имеет двойной характер. С одной стороны, она является предметом специальным, с другой — общеобразовательным. В этом последнем виде, как мы только-

Методическое задание экономической географии.

¹ Более того, поскольку в комплекс объектов, изучаемых в первой ступени, включаются хозяйственные факты и явления, — постольку приходится говорить об элементах экономической географии уже в школе первой ступени. (См. С. П. Аржанов — Практические занятия по экономической географии.)

что показали, экономическая география получила наибольшее распространение и приобрела особенно важное значение. Отсюда следует, что центр тяжести методической работы должен быть именно здесь. Упростить предмет без ущерба для его научности, приблизить его к мало-подготовленному учащемуся или читателю, сделать его широко общедоступным — таковы насущные задачи в этой области. Однако, неправильно будет думать, что экономическая география как предмет специальный и как общеобразовательный разгорожена какой-то китайской стеной на изолированные части. Всякое достижение в одной части найдет всегда отклик и в другой. Поэтому и экономическая география как специальный предмет тоже не должна быть забыта. Этот участок также имеет громадную важность, в некоторых случаях даже большую, чем другой. Научное углубление предмета, его дальнейшая перестройка, непрестанное увеличение содержания и разработка многих слабых отделов — все эти вопросы, стоящие перед экономической географией как специальным предметом, имеют свое значение для нее и в плоскости общеобразовательной.

Все затронутые моменты касались как-будто больше экономической географии как науки, а не как учебного предмета. Мы скорее говорили, что должна сделать экономическая география как наука для экономической географии как учебного предмета. Так может показаться со стороны. Но здесь нужно подчеркнуть, что для экономической географии такое противопоставление не вполне возможно. Содержание и характер экономической географии таковы, что в отношении ее можно безошибочно сказать, что здесь мы имеем единство науки и учебного предмета. Но именно это и затрудняет методическую разработку экономической географии как учебного предмета, ибо методологическая сторона экономической географии как науки разработана весьма слабо.

Кроме того, мы думаем, что методических рецептов общего характера не может быть вообще уже по одному тому, что преподавание экономической географии имеет двойные задачи. Но и помимо этого, мы полагаем, что в каждом отдельном случае приходится исходить из совокупности обстоятельств, присущих лишь данному индивидуальному случаю. Здесь приходится учитывать возраст, знание и общее развитие учащихся, характер учебного заведения, положение экономической географии в системе предметов данного учебного заведения, численность групп (классов), количество недельных часов, наличие кабинетов и степень их оборудованности, количество свободного времени у учащихся и т. д. Лишь учтя все эти моменты, можно сделать те или иные выводы о методах работы. Так как комбинация всех этих моментов для каждого типа учебных заведений своеобразна, то никакого единого рецепта здесь быть не может. Мы думаем, что всякие отвлеченные обсуждения методики экономической географии должны быть заведомо бесплодны. Это, однако, не значит, что не может быть никаких общих положений, исходящих из существа предмета, из подхода к предмету, из особого понимания науки. Это не только может быть, но и должно. Но в таком случае практические методические результаты будут лишь при законченном методологическом построении науки.

Таким образом перед экономической географией стоят очень важные задачи. Помимо разработки научной методологии и методики преподавания, экономическая география требует коренной и основательной переработки самого содержания предмета, который должен принять не только более научный характер, но и первостепенное практическое значение. Все эти проблемы неразрывно связаны между собой. Разрешение их доступно лишь совместным усилиям, лишь коллективному труду всех работ-

ников в области экономической географии. Жизнь не ждет... Мы уверены, что задачи, поставленные ее работникам экономической географии, будут выполнены ими с честью.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ПО МЕТОДОЛОГИИ
И МЕТОДИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ¹

(на русском языке).

- Г. Г. Швигтау — «Экономическая география в общей системе экономических наук». Статья в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1916 г.
- А. В. Чайнов — «Номографические элементы экономической географии», статья в «Трудах высшего семинария сельско-хозяйственной экономики и политики при Петровской сельско-хозяйственной Академии», вып. I, М. 1921 г.
- Проф. А. А. Григорьев — «Экономическая география как географическая дисциплина и вопросы районирования». Статья в «Географическом Вестнике», т. I, вып. 2—3, 1922 г.
- Проф. С. В. Бернштейн-Коган — «Очерки экономической географии». Госиздат. М. 1922 г. (восьмое изд. 1925 г.).
- Проф. Л. Д. Синицкий — «К вопросу о методике экономической географии». Статья в сборнике «Общественное образование в школе» под ред. Ефремина и Смушкова. М. 1923 г.
- М. Эльская — «Мировое хозяйство, экономическая география и марксистская школа». Статья в журнале «Коммунистическое Просвещение», М. № 2 (8), 1923 г.
- Проф. К. Довз — «Экономическая география мира». Изд. «Новая Москва», 1924 г. («Вместо предисловия» — автора. Там же предисловие проф. Л. Д. Синицкого).
- «География как наука и как учебный предмет», Сборник статей под ред. проф. С. П. Аржанова. Изд. «Сентябрь», Л. 1924 г.
- Ильяс Алкин и И. Полесс — «Основы нашего производства». Изд. «Молодая Гвардия», 1924 г.

¹ В настоящий список включены также и те работы, которые вышли после написания нашей книги и потому в тексте не затрагиваются.

- С. П. Аржанов. — «Практические занятия по экономической географии». Госизд. Л. 1924 г.
- Дж. Ф. Хорраби. — «Очерк историко-экономической географии мира». Изд. «Кр. Новь» М. 1924 г.
- «Вопросы экономической географии в школе и жизни». Сборник статей под ред. С. П. Аржанова и И. С. Симонова. Изд. Бронгауз-Ефрон. Л. 1925 г. В сборнике имеются подробные библиографические указания.
- «Вопросы страноведения». Сборник статей. Моск. Аки. Изд. Об-во. 1925 г.
- Б. А. Дейхман. — «Сборник практических работ по экономической географии», вып. I. Госизд. М. — Л. 1925 г. (Предисловие и введение.)
- М. Е. Вольф и Г. А. Мебус. — «Северо-Западная область» (предисловие к серии «Экономическая география СССР по районам»). Госизд. Л. 1926 г.
- Учебники Фридриха, Дена (1908 и 1924 гг.), Тимофеева (1-ое и 3-ье изд.), Огановского, Борисова и Синицкого.

